

сш $\frac{k-1}{14717}$

П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ

ВВЕРХ ПО НЕВЕ

ОТ САНКТ-ПЕТЕР-БУРГА ДО ШЛЮШИНА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Д А Р

Заслуженного деятеля науки

Профессора

А. М. ЗАБЛУДОВСКОГО

П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ

114 / 797

ВВЕРХ ПО НЕБЕ

ОТ САНКТ-ПИТЕР-БУРГА ДО ШЛЮШНА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Р. В. Ц. Петербург.

Гиз. № 876. Отпечатано 10.000 экз.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ.

Первые шлиссельбургские пароходы.—Смольный двор.—Проект устройства монастыря.—Собор Растрелли.—Общество воспитания благородных девиц.—Ленин в Смольном.—Полюстрово.—Дача Безбородко.—Певца Давио.—Доктор Рожерсон.—Сад Кушелево.—Охта.—Постройка крепости Ланскрона.—Ее осада.—Шанд.—Обращение его в Ниен и Ниеншанд.—Осада его Шереметевым.—Поселение плотников на Капцовской стороне.—Охтенская слобода.—Инструкция для охтенцев.—Театральные плотники.—Описание Охты Помяловским.—Описание Охты 1897 г.—Кулачные бои.—Катальные горы.—Бумажная фабрика Варгунина.—Справка о потреблении бумаги.—Ново-Саратовская колония.—Битва под Ижорою.—Александроневская Лавра.—Лазаревское кладбище.—Шлиссельбургский тракт.—Его описание в 1839 году.—Образование фабричного района.—Мечтания о фабрике будущего.—Чайковцы в селе Смоленском.—Фарфоровый завод.—Потребление фарфора в будущем.—Александровская мануфактура.—Рабочий из воспитанников Воспитательного дома.—Карты и карточная фабрика.—Обуховский завод.—День 7 мая 1901 года.—Мурзинка.—Парк графа Апраксина.—Село Рыбацкое.—Постановка провианта к царскому двору.—Некоторые цифры.—Рыбаки гребцы гребного флота.—Памятник в селе Рыбацком.—Ф. Н. Слепушкин.—Голод 1834 года и стихотворение Слепушкина. История реки Невы.—Происхождение дельты и самой Невы.—Физические и топографические свойства Невы.—Пелльские пороги.—Пелла.—Императрица Екатерина II и ее любовник Ланской.—Стоимость любовников Екатерины II.—Дворец в Пелле.—Постройка при Екатерине II и сломка Павлом.—Островки.—Затей Потемкина.—Легенда замка Потемкина.—Утес Потемкина.—Княжна Тараканова.—Красные сосны.—Памятник Петру Великому.—Предание о Делагарди.—Преображенская Гора.—Могила Шилова.—Шлюшни.

Под Смольным Нева сбрасывает свою гранитную одежду, набережных нет, и берега являют тот же самый естественный вид, какой они имели 80 лет тому назад, когда в 1842 году—весною—раздался первый пароходный свисток в этой местности, и первый пароход, застучав колесами, забурлив водою, отошел от Смольнинской пристани в город Шлиссельбург, по народному Шлюшин.

Навигацию держал всего лишь один пароход. В девять часов утра он уходил в Шлиссельбург и, забрав там пассажиров, поспешил к вечеру возвратиться в столицу. Но подошла осень, уменьшился сильно день, стало гораздо раньше вечереть, и «учредители пароходного сообщения между столицею и Шлиссельбургом честь имеют объявить, что по случаю наступления ныне темных вечеров пароход не может в один день совершать поездку в Шлиссельбург и обратно и посему будет отправляться в Шлиссельбург через день в 9 часов утра от Смольнинской пристани, возвращаясь на другой день в час дня, таким образом пароход в четные числа будет отправляться из столицы, а в нечетные из Шлиссельбурга».

Под Смольным Нева делает крутую излучину, и пароходу приходится развить большую силу, чтобы преодолеть тот мощный напор воды, с которым красавица Нева спешит излиться в Финский залив, иначе называемый Маркизова лужа. Но сопротивление побеждено, пароход на середине широкой водной поверхности и быстро скользит вперед, против течения, быстро изменяется панорама берегов, один за другим появляются и исчезают разнообразные виды, величественные памятники, свидетели былого, давно прошедших дней, исчезнувших людей...

На правом берегу, почти над самой пароходной пристанью, возвышается Смольный монастырь, одна из изумительных сказок российской действительности.

Уже в 1500 году здесь было Спасское село или посад Спасовщина с русской церковью. Сюда приходила одна из тех троп, на которые, почти на месте нынешнего перекрестка Кирочной улицы и Воскресенского проспекта, делилась старая Новгородская дорога, шедшая приблизительно по направлению Лиговского канала. Здесь в селе Спасском с незапамятных времен существовал и перевоз на другую сторону Невы. Затем село Спасское, когда Нева попала во власть шведов, было уничтожено, и вместо него было заложено шведами укрепление—Спасский шанц, как звали его русские, и форт Саблино, как именовали его строители шведы. Это укрепление было разорено Шереметевым в 1703 году. При случайной раскопке земли около юго-западной башни в садике, примыкавшем к дому соборного смольного духовенства, в тридцатых годах прошлого столетия, под полуаршинным слоем земли или скорее кирпичной щебенки, оказался слой костей четверти в $1\frac{1}{2}$, который шел кругом ямы, раскопанной в 2 аршина в диаметре, более чем вероятно, что это была общая могила, выкопанная после осады Саблина. В 1720 году Петром Великим был отдан приказ отыскать место под «Смоляной двор», где бы можно было безопасно сохранять большие запасы смолы, нужные для осмолки кораблей—место было найдено там, где теперь Смольный; окружили деревянным высоким забором значительную площадь, устроили на Неве пристань, чтобы было легче баркам с бочками смолы приставать к берегу, понастроили несколько амбаров, сторожку для сторожа—и «Смоляной двор» стал функционировать. Точных данных не имеется, но, по всей вероятности, в это же самое время, рядом со Смольным двором, был отведен небольшой участок, где построили маленький деревянный домик, назвали его летним дворцом императрицы Екатерины I, супруги Петра. Рядом с этим дворцом возникли разнообразные хозяйственные постройки, и появился один из многочисленных запасных дворцов, где хранились припасы для царского дворца. По наследству летний Смольный дворец достался младшей дочери Петра, цесаревне Елизавете Петровне, здесь она

проводила свою юность, здесь ей часто под аккомпанимент малорусской бандуры певал задушевные хохладские песни красавец-казак Алексей Разумный, впоследствии превратившийся в графа Российской и Римской Империи Алексея Григорьевича Разумовского, и страстны были поделуи красавицы-цесаревны, ласкавшей красивого казака...

И точно по мановению палочки чародея волшебника новая метаморфоза с сохраняющим старое название «Смольный» — 30 октября 1748 года ее императорское величество — уже не цесаревна, преследуемая своею двоюродною сестрою императрицею Анною Иоанновною, но сама восшедшая на всероссийский престол, свергнувшая с него и заключившая в строгое заточение императора Иоанна IV Антоновича — указала «архиепископу Псковскому Симону отслужить в состоящей лейб-гвардии конного полка церкви божественную литургию, откуда по совершении литургии, с крестным хождением всему святейшему правительствующему синоду с присутствием находящихся ныне здесь духовного числа персон и священнослужителей всех здешних церквей от каждой по единому священнику следовать на показанное к Смольному дворцу место, где надлежащее молитвословие по церковному чиноположению отправить», а затем итальянский граф, архитектор Растрелли, сумевший итальянскому архитектурному стилю «барокко» дать родные российские выражения, заложил дворец-монастырь с величественным храмом. В этом дворце-монастыре императрица мечтала окончить дни своей бурно-прожитой жизни. Строится храм, строится помещение для келий, составляется проект колокольни при храме, громадной колокольни, долженствовавшей своею высотой затмить чуть ли не все существовавшие тогда на земном шаре здания и оставшейся только в проекте. Постройка затягивается, наступает семилетняя война, денег нет, и Смольный монастырь остается незаконченным, когда на российский престол вступает очередная императрица — Екатерина II, она не мечтает о тихой монастырской жизни, о раскаянии в совершенных грехах, и монастырь — 5 мая 1764 года — обращается в «Воспитательное общество благородных девиц» — сюда, в эту уединенную обитель, поступают дочери российских именитых родов, здесь они будут отделены от своих матерей и

отцов, от того старшего поколения, представители которого— «зверообразные и неистовые в словах и поступках». В этом воспитательном обществе девицы пробудут с младенчества до того времени, как надо выходить замуж, под надзором воспитательниц, учителей, здесь из них под руководством приближенного Екатерины II—Ивана Ивановича Бедкого—выработают новую породу людей, новых женщин, которые сумеют осчастливить своих избранников и по-новому воспитать своих детей... И перед глазами невольно встают замечательные портреты - картины первых воспитанниц Смольного института, картины, нарисованные большим русским художником Левитским и сохранившиеся до сих пор в Русском музее... А рядом с этим «Воспитательным Обществом,» в бывшем собственном дворце Елизаветы Петровны, 6 сентября 1771 года, возникает петербургское отделение воспитательного дома для приносных младенцев, преследующее те же цели, что и воспитательное общество благородных девиц, только здесь новую породу проектируют сделать из незаконнорожденных. Мечтания о новой породе людей, о новых женщинах остаются такими же мечтаниями, как и о создании уединенного монастыря, и появляется женское учебное заведение, появляется женский институт с двумя отделениями для благородных, записанных в известную родословную книгу, и для непривилегированных—одно из самых отвратительных, уродливых заведений для обучения, искалечивших, изуродовавших не одну сотню молодых душ.

И снова взмах палочки волшебника чародей, и 23 октября 1917 года Ленин впервые появился в Смольном, и бывший Смольный двор, бывший дворец цесаревны, бывший монастырь, бывшее учебное заведение превращается в центр российской революции...

Вся эта памятка должна всплыть, пока пароход проходит под Смольным и пока можно любоваться величественным, изящнейшим зданием собора, пять куполов которого так смело рисуются в воздушном пространстве.

...«А насупротив, на Выборгской стороне, лежит Казачья слободка, за которой вплоть до самой слободы Охтенских плотников тянется Волчье поле. Волчье поле получило название Волчье потому, что с первых лет близко тут много людей погребали,

а наипаче в зимнее время, для мерзости земли, опых мертвых не глубоко в землю зарывали и те мертвые тела волками были посещаемы, и оное место прохожим людям не безопасно было».

Но опасность была не только от волков, жители Казачьей слободы, названной так потому, что сначала в ней хотели поселить казаков, а потом самовольно стал селиться всякий сброд, были иногда и опаснее, и более жестоки, чем прибегавшие на Волчье поле волки. «По справке из главной полиции показано, что по определению той главной полиции 1726 года велено из оной слободы строения, куда надлежит, снести немедленно, понеже де, как видно, в тех местах построились и живут без отводов и построено нерегулярно и от жителей этой слободы ничто может быть доброе, но разве воровство; из которых де жителей наперед сего, некоторые были и в продерзостях, за что штрафованы».

Но, несмотря на то, что полиция хлопотала о сношении Казачьей слободки ещё в 1726 году, слободка просуществовала чуть ли не весь XVIII век, хотя от казаков осталось только одно название, которое сохранилось и за казачьим огородом — несмотря на то, что этот огород поступил в ведение канцелярии от строений, учреждения, сначала ведавшего постройкою всего Петербурга, а затем специально только царских домов и садов. Эта канцелярия тяготилась огородом и в конце 60-ых годов XVIII столетия предлагала желающим купить «имеющийся на Выборгской стороне казачий огород с находящимися на нем кустами, деревьями, паровыми ящиками и на них оконничными рамами для произращения огородных овощей». Но в то доброе старое время, когда земля в Петербурге стоила так дешево, что за дом золотаря, т.-е. золотых дел мастера Дублона, находившийся на Миллионной улице на углу Зимней канавки, просили всего-навсего 4 тысячи рублей, и не находилось желающих заплатить «такую неслыханную сумму», понятню, не было охотников купить какой-то казачий огород. И надо думать, долго бы мучалась с этим огородом канцелярия от строений, если бы на этот огород не обратил внимания «тайный действительный советник и кавалер» Григорий Николаевич Теплов.

Г. Н. Теплов—одна из интереснейших русских личностей XVIII века, все еще ждущая своего биографа, в которой причудливо совмещались высокие качества человеческой души с самыми низменными ее проявлениями.

Обратил внимание на «казачий огород» Теплов не без задней мысли. Теплов знал, что еще в 1718 году в этом казачьем огороде лейб-медик Арескин открыл холодный железистый источник, что этою водою Блюменрост лечил с успехом Петра Великого и что в 1745 году об этой воде дал вполне благоприятный отзыв ученый доктор Модель, а простой народ давно окрестил этот источник «народною водою».—Теплов в это время был болен, врачи посылали его за границу на минеральные воды, но Теплов решил сэкономить, не съездить за границу, а воспользоваться «железистою водою на казачьем огороде», и на 29 октября 1770 года был послан землемер, «для обмежевания бывшего казачьего сада, состоящего на Выборгской стороне, между Охтенскою и Казачьею слободами, на берегу Невы реки, который ныне пожалован сенатору Григорию Николаевичу Теплову».

«Казачий» огород с 1770 года исчез, вместо него появилась мыза Полюстрово, название которой от латинского слова «polu-steg» должно было напоминать, что здесь когда-то были большие болота. На свою новую мызу Г. Н. Теплов обратил большое внимание; на берегу Невы строится каменный дом, устраняется обширное садоводство, для которого вызывается «на загородный двор, на Выборгской стороне, против Воскресенского Новодевичьего монастыря, на берегу Невы лежащий, искусный садовник, который бы содержать умел теплицы, парники, оранжереи с плодовитыми деревьями в зимнее время, а летом выводить всякого рода цветы и огородные плоды», строятся громадные конюшни, не менее обширные сараи и амбары, где «продается пудами молодой Виргинский и Аместердамский самый крупный и мелкий табак» (у Теплова было табаководство в его малорусских имениях),—словом, кипит хозяйственная деятельность в большом размере. И заботы в частности о садоводстве не остались без результата—зимою 1775 года, в Петербурге, в первый раз, можно было достать из оранжерей Теплова: «в горшках в цвету

двойной левкой по 50—75 к. горшок, да фиолн (фиалки) по 35 коп. горшок».

Но с минеральною водою Г. Н. Теплову не повезло. В своей книге «Рассуждение о врачебной науке» Теплов признается, что питье минеральной полуостровской воды в 1771 году едва не погубило его!

Умер Г. Н. Теплов, и сын его поспешил продать за 22.500 рублей свою мызу Полуострово другой знаменитости Екатерининской эпохи графу Александру Алексеевичу Безбородко, который уже давно подыскивал подходящее место для своей летней резиденции.

Конечно, новый владелец ее, не думавший никогда о сельском хозяйстве, а желавший иметь для летнего времени удобный и изящный уголок, должен был перестроить все, сделанное Тепловым. Каменный дом, построенный Тепловым, оказался мал. На помощь является Гваренго, Знаменитый архитектор Гваренго еоздаст проект дома, существующий с некоторыми переделками до нынешнего времени.

Центральный трехэтажный корпус с изящной колоннадой главного входа соединялся двумя открытыми полукруглыми галереями (в настоящее время эти галереи, как и другие такие же галереи Гваренго у Аничкова дворца, заделаны) с боковыми двухэтажными флигелями, небольшой *согг d'honneur* отделялся от берега Невы невысокою решеткою со львами. На набережной вдоль фасада дома был устроен, он ясно виден и в настоящее время с палубы парохода, широкий гранитный парапет с большою пристанью, к которой, кроме двух гранитных лестниц, вел из дома еще подземный ход. В настоящее время он полузасыпан, но железная входная дверь его сохранилась до сих пор. На этой пристани стояли пожалованные гр. Безбородко небольшие пушки.

За домом громадное пространство занимал разбитый в английском вкусе роскошный сад, от которого в настоящее время осталась лишь главная аллея, находящаяся в бывшей Елисаветинской общине сестер милосердия, да ряд отдельных вековых дубов, разбросанных по соседним участкам частных владельцев. В саду были выкопаны громадные пруды, соединявшиеся между собою

каналами, водопадами, каскадами; на главном пруде был оставлен небольшой островок, впоследствии получивший название «Тиволи». Вправо от дома 12 столбов поддерживали купол храма, посреди которого возвышалось бронзовое изваяние императрицы Екатерины II во образе Сибиллы. На статуе была надпись: «Rochette fecit 1789. Отливал и отделявал Императорской Академии Художеств мастер Василий Метелов». В настоящее время эта статуя сохраняется в Царском Селе. На противоположной стороне этого храма находились поросшие мохом искусственные развалины, предназначавшиеся Безбородко для помещения библиотеки с тем, чтобы она была открыта для посещения всех и каждого. По разным местам сада были раскиданы изящные беседки, скрывались в гуще деревьев храмы уединения, на гранитных пьедесталах возвышались статуи, огромные из белого мрамора вазы, наконец, полукругом располагались бронзовые бюсты самого Безбородко и его родных.

Внутреннее убранство дома отличалось самою изысканною роскошью, здесь Безбородко не раз встречал и императрицу, заезжавшую к своему любимцу во время прогулки на разукрашенных катерах по Неве; здесь происходили те лукумовские шпы, о которых говорил весь Петербург.

В большой зале, на особо устроенном возвышении, стоял выпитанный из Англии от лучшего мастера клавиш, под аккомпанемент которого не раз певала знаменитая певица Давию, одна из многочисленных пассий влюбчивого канцлера. Увлечение этой певицею у Безбородко перешло все границы—малейшая прихоть певицы исполнялась, ей делались подарки в десятки тысяч. Состояние же князя и так пошатнулось, пошли толки, откуда берутся деньги на эти безумные траты, и императрица Екатерина II распорядилась высылкой из Петербурга певицы в 24 часа..

Рядом с залою были игральные комнаты. Здесь нередко сживал знаменитый медик, врач Екатерины—Рожерсон. Он приезжал к князю Безбородко с двумя целями—выпить стакан целебной полюстровской воды, которую он считал очень полезною для слабонервных, и сыграть одну-другую партию в вист.

Знаменитый англичанин был очень рассеян в карточной игре и постоянно делал промахи. Однажды Безбородко обратился к матушке царице с просьбою разрешить ему стрелять по вечерам из пушек, стоявших на набережной против его дома. Изумилась Екатерина II такой странной просьбе своего любимца, но, предвидя его новое чудачество, согласилась. Вскоре приехал Рожерсон к Безбородко, сели играть в вист. По обыкновению Рожерсон сделал неверный ход—тотчас раздалась пальба из пушек. И при каждой новой ошибке доктора раздавался пушечный салют...

Безбородко умер бездетным.

Имение перешло его родственникам, присоединившим по высочайшему повелению к своей фамилии Кушелевы и фамилию Безбородко. В 1816 году владельцем имения делается граф Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко, который обращает большое внимание на свою мызу Полуострово и на имеющийся минеральный источник. От источника проводится широкая аллея, которой дается название Тепловодная, вся местность осушается, канава, по которой текла минеральная вода в Неву, выкладывается булыжником, и бывшая дачная резиденция Безбородко мало-по-малу превращается в курорт.

1 июля 1838 года благонамеренный молодой аптекарь Фишер, как писала единственная в то время газета «Северная Пчела», «с точностию понимающий пользу этого ключа, сделал значительное пожертвование, чтобы доставить пособие ближнему»—так изысканно и вычурно хотели выразить самую простую мысль: аптекарь Фишер арендовал полуостровский источник и устроил курорт.

С открытием курорта стала процветать и графская деревня Полуострово, скоро ставшая излюбленною дачною местностью. Здесь селились и актеры Александринского театра и ряд литераторов и ученых. Одно лето здесь жил Кукольник, творец патристической драмы «Рука Всевышнего отечество спасла», постоянными его гостями были художник Брюллов, музыкант Глинка и молодые литераторы. На этих вечерах было шумно и оживленно: много говорили, спорили, пели и не меньше того пили, и во время именин Кукольника, когда известная певица того времени Шмановская исполняла романсы Глинки так растро-

чала композитора, что он расплакался, гостеприимный хозяин заметил, что запас вина весь вышел—Н. Кукольник вышел на средницу комнаты, взъерошил волосы и с трагическим пафосом продекламировал:

Дача Безбородки—
Скверная земля!
Ни вина, ни водки
В ней достать нельзя!

Граф Куселев-Безбородко не жалел средств, чтобы доставить удовольствие своим дачникам: заведывать кофейною и рестораном при графском парке приглашен был известный в то время содержатель ресторанов И. И. Излер, и восторгались газеты того времени: все найдется в палатке Излера, все, что только ни потребует ваше прихотливое гастрономическое воображение, и в то же время, на особливом острове, Тиволи, ежедневно изысканный концертный оркестр будет разыгрывать все новейшее, все любимейшее. Оркестром будет дирижировать Герман!

Герман был первый дирижер летних оркестров в Петербурге, и он приводил наших меломанов в самый дикий восторг. На этих музыкальных вечеринках, как писали тогда: «простота и непринужденность были характерною чертою. Дамы часто без шляп, в прозрачных косынках, мужчины в сюртуках, пальто, пиджаках, соломенных, поярковых, одним словом, в самых разнообразных шляпах и фуражках. Никто, кажется, не наряжается для музыки, все пришли, как были дома... Оркестр играет очень согласно: вальсы сменяются польками, польки увертюрами и т. д., пока в одиннадцатом часу в заключение раздается «Боже, царя храни», и публика, встав с своих мест, с открытыми головами слушает народный гимн».

Но, кроме музыки, граф доставлял и другие удовольствия. «С дозволения правительства, мы, нижеподписавшиеся,—гласила афиша 1842 года,—желаем дать конное представление, гимнастические геркулесные силы и восхождение на канате длиною 40 сажень и вышиною 11 сажень. Представление будет дано на даче графа Куселева-Безбородко. Ефельд и Бомбов». К сожалению, Ефельд и Бомбов не пояснили, что они под-

разумевали под таинственными «гимнастическими геркулесными силами».

Устраивались на даче полеты воздушного шара—«умора, да и только! читаем мы заметку,—до десятого часа надували шар, надували, и, наконец, он поднялся на неизмеримую высоту, сажень на 5 выше вершин дерев. Тут приготовлен сюрприз для зрителей—последовал фейерверк, в программе не обещанный, шар вдруг возгорелся, и, описав полукруг в воздухе, благополучно спустился в Л ту, т. е. торжественно рухнул в пруд за летней кофейней Излера, сопровождаемый в падении своим громким «браво» и рукоплесканиями публики.

Раз в год—6 августа—происходил традиционный «сельский» праздник, устраиваемый графом для своих крестьян. На лугу, против деревни, воздвигалась высокая мачта, на которую утверждалось чучело, одетое в полный крестьянский наряд, служивший призом тому смельчаку, который сумел до него добраться. Процессия крестьян попарно подходила к помещику, который стоял на крыльце фермы, принимал поздравления и раздавал подарки, играла музыка, толпа горожан сходилась и съезжалась смотреть на это единение барина и его крестьян.

Умер последний представитель рода Кушелевых-Безбородко. Случайный пожар истребил все постройки на минеральных волах. Их не возобновляли, а затем стали распродавать громадный графский участок на более мелкие. Дом перешел в ведение Елисаветинской, тогда только-что открываемой, общины сестер милосердия, часть парка приобрел пивоваренный завод, и мало-по-малу стали исчезать и последние следы бывшего барского величия...

Поместье Безбородко стояло почти на границе города и прилегающих к городу, а теперь и вошедших в его состав, слобод «Большой и Малой Охты». Охта, Охтенские поселяне и—в уме вспоминаются реальные стихи Пушкина:

С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.

и для большинства этими стихами и заканчивается все представление об Охте, а между тем с этою местностью связано столько

исторических воспоминаний, столько любопытных бытовых подробностей, что безусловно и эта часть города заслуживает внимания.

Воспоминания должны начаться с первого года XIV века. В духов день 1300 года полководец Торкель Кнутсон выступил из Стокгольма с отборным войском на 1100 прекраснейших судах, изобильно снабженных съестными припасами и всем необходимым. С такими средствами он беспрепятственно вступил в Неву, служившую целью похода, ибо здесь решил он сооружением пограничной крепости увенчать полторастолетние усилия шведов, направленные к завоеванию Финляндии. Крепость была заложена на небольшом мысу при впадении реки Охты в Неву и была названа Ландскрона, что значит «венец страны». Но слишком недолго просуществовал этот «венец страны». Через год русские, с громадными силами, обложили Ландскрону, и, пользуясь огромным превосходством своих сил, день и ночь продолжали непрерывный приступ, сменяя утомленные отряды свежими и не оставляя осажденным ни минуты для отдыха. В крепости произошел пожар, и всякая возможность к дальнейшему сопротивлению исчезла. Немногие из храбрых защитников, укрывшись в одном подвале, оборонялись с мужеством отчаяния, наконец, и они положили оружие, когда русские, желая прекратить бесполезное кровопролитие, клятвенно обязались пощадить жизнь их. Затем крепость была сожжена и разрушена до основания. Так пала Ландскрона в 1301 году.

Она возродилась снова, сперва в виде небольшого «Невского шанца», построенного шведами при Де-ла-Гарди в 1610 году и с течением времени превратившегося в крепость Ниен и в город Ниеншанц, первая привилегия которому была дана шведским королем Густавом Адольфом 17 июня 1632 года.

Крепость Ниен и город Ниеншанц возбуждали большие надежды шведов. Помощью этой крепости шведы закрывали вход в Неву: в этом городе должна была сосредоточиться торговля с Новгородом, с Россией. Сюда, с одной стороны, новгородские купцы должны были привозить свои товары, сюда же допускались и иноземцы с своими кораблями. Торговля России с Европою, таким образом, была взята под шведский контроль—при выходе Невы

из Ладожского озера, древняя новгородская крепость, отданная шведам, переименовала свое название Орехов или Орешек на чисто шведское Ноттебург, при впадении Невы крепость Ниен—все течение Невы было во власти шведов.

23 апреля 1703 года генерал фельдмаршал граф Шереметев выступил из Шлиссельбурга (Ноттебург шведов, Орехов новгородцев снова вернулся осенью 1702 года во власть русских и был переименован в Шлиссельбург) с 20.000 войска по дороге правым берегом Невы к Ниеншанцу. На другой день, не доходя 15 верст до Ниеншанца, Шереметев выслал водою на судах отряд в 2.000 человек пехоты для производства рекогносцировки. В ночь на 25-ое апреля отряд прибыл к городу, напал на шведский пост в 150 человек, бывший у самого входа в крепость, обратил его в бегство, захватив двух пленных. Некоторые люди из отряда забрались даже на вал, но, не имея ни лестниц, ни ручных гранат и копий, принуждены были отступить. Утром того же числа прибыл Шереметев с остальным войском, обложившим крепость. Начались работы над возведением окопов, устройством батарей. Около полудня 30 апреля на русских батареях все было приготовлено для открытия бомбардирования. Фельдмаршал послал к коменданту крепости трубача Готфрид с увещательным письмом о сдаче города. Поздно вечером трубач вернулся обратно с письмом от коменданта, который объявил, что он будет защищать город, врученный ему королем для обороны. Тогда русские начали бомбардирование, которое продолжалось всю ночь до утра. 1 мая 1703 года на стенах крепости появился сигнал о сдаче. Переговоры об условиях сдачи затянулись на целый день, и, в конце-концов, было решено: сдать русским Ниеншанц в тот же день, 1 мая, гарнизону с 4 пушками и всяких чинов шведскими людьми отступить к Нарве с распушенными знаменами, с драгунским знаком, с барабанным боем, с верхним и нижним ружьем и с пулями во рту. Вечером, в 10 часу, Преображенский полк был введен в крепость.

И Ниеншанц, подобно своей предшественнице Лапскроне, преклонился пред силою русского оружия, а 16 мая 1703 года Петр Великий повелел окончательно разрушить укрепления Ниеншанца, самый же город—400 деревянных домов, раскинутых

по правому берегу Охты, — сгорел еще раньше, при начале штурма.

Снова, вторично, опустели берега Охты, но в этот раз на более короткий промежуток времени: 21 февраля 1720 года, здесь, по берегу Невы, от устья Охты, приказано было построить 500 домов с сенями, а через год, 19 января 1721 года, вышло новое распоряжение: «ново построенные дома на Канцовской стороне отдать безденежно вольным плотникам, которые бывали у судовых работ, чьи б они ни были, податей с них никаких, также и на помещиках их, за них и за детей их не иметь, и ежели кто оных домов пожелает, и те б явились и записывались у полковника Кошелева с сего объявленного числа в два месяца, а кормиться им плотничьею своею работою попрежнему вольно. А ежели когда, они, плотники, понадобятся для работы в адмиралтействе, и им тогда даваны будут заработанные деньги по указу против других вольных работников».

Таким образом, на месте шведских крепостей Ландскроны и Ниешанца должна была возникнуть простая слобода плотников, которые, получив от правительства дома и землю, обязывались в случае надобности работать в адмиралтействе у судовых работ. Как видно из текста вышеприведенного указа, поселенные плотники должны были остаться вольными. Но так как запись шла плохо, желающих было мало, то Петр распорядился населить слободу—к марту 1721 года было уже построено 216 домов—принудительным образом: был командирован капитан Пырский за Бело-озеро, на Вологду, в Шуйский городок, в Каргополь, на Устюг и на Холмогорье, где он и должен был набрать необходимых Петру Великому плотников, причем в инструкции, данной Пырскому, опять-таки подчеркивалось, что «понеже они будут плотники вольные».

Пырский исполнил назначенное ему поручение, и 6 июня 1723 года, т.-е. почти 200 лет тому назад, состоялся указ переведенцам-плотникам, новопостроенной при С.-Петербурге Охтенской слободы, быть в ведении партикулярной верфи.—Партикулярною верфью называлось одно из своеобразных петровских начинаний: была устроена особая верфь, которая должна была строить небольшие суда для раздачи их жителям Петербурга — Петр

Великий желал, чтобы петербуржцы сообщались между собою помощью Невы, ее многочисленных притоков и прорытых им каналов, и сообщение это, конечно, производилось на лодках под парусами. Для изготовления этих лодок на месте нынешнего Соляного городка и была устроена партикулярная верфь, которая должна была заведываться новопоселенными охтенскими плотниками. А так как партикулярная верфь сама состояла, как тогда говаривали, в ведении адмиралтейства, то, понятно, последнему должны были подчиниться и охтенские плотники. Адмиралтейство, получив этих плотников, позабыло или намеренно не обратило внимания на петровские указы, в которых подчеркивалось, что плотники должны были быть людьми вольными, адмиралтейство считало, что охтенцы должны быть приравнены к государственным крестьянам, т.-е. быть крепостными адмиралтейству. В 1744 году над охтенцами был поставлен капитан Бизюкин— «быть у смотрения ему над охтенскими плотниками и держать их в своей команде», а как содержать, для этого была сочинена особая, замечательно любопытная инструкция.

«Наблюдать самому и через десятских и сотских—читаемы в этой инструкции—за скромною и тихою жизнью поселян, за тем, чтобы они не держали корчем, ни в какие игры не играли, с воровскими людьми не знали, пришлых людей у себя не держали, без ведома из домов своих не отлучались ни на одну ночь, а временно отлучались из слободы только с дозволения его, капитана, с надежными поруками в том, что воротятся, а в случае надобности на казенной работе заменятся другими, наконец, чтоб о своих нуждах просили всякий о себе, а сходбище себе не дозволяли, ежедневно утром и вечером в восьмом и девятом часу чрез сотских и десятских осматривать все дома, все ли поселяне дома ночуют, нет ли пришлых, о беспашпортных, о подозрительных людях доносить конторе, за отлучку брать под караул и наказывать; охтянам вступать в браки не иначе как с письменного на то дозволения; читать охтянам сию инструкцию по субботам и в шабашные дни».

Из текста этой инструкции ясно, что она могла существовать только на бумаге, воплотить ее в жизнь, деликом не было никакой возможности, иначе жизнь охтян была бы сходна с тюремною

жизнью, с каторгою. Охтенский поселянин не мог даже не почевать дома без разрешения подлежащих властей! Затем очень характерно подчеркивание—«о своих нуждах просили всякий о себе, а сходбищ себе не дозволяли»—всякая коллективная просьба, всякое совместное обсуждение своих общих нужд почиталось преступлением. Повторяем, очевидно, что инструкция эта не могла быть проводима в жизнь, постоянно нарушалась, капитан Бизюкин и его сотские и десятские более чем вероятно делали проверку жителей, когда им нужны были деньги—отсутствовавшие откупались, и проверка опять-таки на долгое время прекращалась, далее охтенцы умели ставить на адмиралтейские работы за себя рабочих, находя выгоднее заниматься подрядами, скотоводством, столярными частными заказами и т. д., но, конечно, существование этой инструкции, возможность ее применения тяжелым гнетом ложилась на слободу. В первое время существования слободы ее жители должны были ходить на работу в адмиралтейство, на другой конец города, это ежедневное путешествие ни свет ни заря должно было отзывать на работе поселян, и с начала XIX века на самой Охте была заведена небольшая верфь, на которой происходила постройка военных судов, например, 74-пушечных фрегатов.

Когда при веселой царице Елизавете Петровне при дворе стали усиленно развлекаться театром, то при перестановке декораций, при устройстве сцены понадобились опытные плотники—и их стали брать с Охты, а 30 декабря 1764 года императрица Екатерина II распорядилась «означенных плотников по заобыкновенности их к театральным работам иметь в точной команде придворной конторы, а из адмиралтейского ведомства выключить, чтоб они при тех работах могли быть неотъемлемы, точно жительства их на Охте со своими домами не лишать, чтоб они против прочих нужд иметь не могли». Таким образом на Охте, среди вольных петровских плотников, как это должно было быть по указам, или среди крепостных адмиралтейского ведомства, как это было в действительности, появились крепостные и театральной конторы.

У нашего писателя Помяловского сохранилось описание Малой Охты, описание относится к 30-ым годам прошлого

столетия: «Малая Поречна (Поречную Помяловский называл Охту) имеет довольно красивую кладбищенскую церковь, которая разделяет ее на два края или два конца, имеет правление, школу, ресторацию «Магнит», виноторговлю, два кабака, восемь мелочных лавок (мясных и булочных нет). В ней только три каменных дома, остальные—все деревянные и среди деревянных не более десятка двухэтажных. Почти четвертая часть домов представляет вид печальный: это черные, гнилые, распавшиеся на-двое и на-трое избышки, вросшие в землю, и у тех избышек прогнили крыши, покочувались стены, отчего и подперты они досками и кольями; перекосившиеся окна нередко заклеены бумагою или тряпичею, а не то и просто заткнуты мужицким армяком или бабьим костюмом. Левый край Малой Поречны вымощен булыжником, но было бы гораздо лучше для обывателя, когда бы у них совсем не существовало булыжного проспекта, который никогда не ремонтировался и был изъязвлен рытвинами, ухабами, буераками и разного рода чертоплешинами. Посреди проспекта Малой Поречны положены досчатые мостики, страшно исковерканные и испещренные прорехами и неуклюжими заплатами: дыры и заплаты ломали ноги трезвому и пьяному люду пореченскому. В Малой Поречне почти нет садов, обильная зелень только и встречается на кладбище, которое вследствие того служит для обывателей публичным садом. Некогда же селение было окружено дремучими лесами, переполненными сосною и елью, березняком, осиною и рябиной,—в них попадался и дуб и клен; но леса давно вырублены верст на 20 кругом во все стороны—дерево пошло на топливо, постройки и поделки разного рода, даже корни вырыты из земли и сожжены в печах пореченских. Теперь сзади селения лежат необъятные для взора сенокосы, а спереди течет широкая, быстрая, светлая водная красавица река Озерная».

Таково описание Охты около ста лет тому назад, но Охта до самого последнего времени сохранила свой специфический облик, вот как описывалась она в 1897 году: «Охта представляет отдельный мирок, мирок столяров, токарей, резчиков по дереву, позолотчиков и других рабочих, у которых хозяин и рабочий не отделяются резко друг от друга: тот и другой

работает с утра до вечера, тот и другой имеет почти одинаковый образовательный ценз—едва грамотны, тот и другой не требовательны к удобствам жизни: один спит на верстаке или прямо на полу, другой в небольшой каморке, отделенной от мастерской перегородкой: тот и другой, наконец, довольствуются одинаковыми развлечениями—ходят в один и тот же трактир. Современный охтянин—сын своих предков. Он так же столяр, токарь, резчик и позолотчик; охтянка и теперь торгует молоком. Охтянин целый день в мастерской, здесь он точит, режет, выпиливает, говорить ему некогда; охтянка с утра бежит на «горушку», так звался местный базар, здесь кричит, спорит с чухнами, потом отправляется в город по местам, здесь должна поторговаться, извернуться, на шутки и остроты отвечать тем же. Поэтому охтянин сосредоточен и серьезен, охтянка бойка и развязна. Муж большею частью не входит в торговлю своей женой: она сама ведет свои дела, и если муж пропивает свой заработок, то жена прилично содержит дом. Охтянин пьет много и часто бывает пьян; пьет и в воскресенье и в понедельник, последний среди рабочих на Охте считается чуть ли не праздничным днем. Охтянка любит франтить: в наряженной в шелке и бархате в праздничные дни трудно узнать молочницу, которая утром ходила за коровами».

Особенности былой Охты в то же время, особенности старого Петербурга, отмечены тем же Помяловским: «любимую забавою русских было испробовать свою силу в кулачном бою. Стена на стену выходили бойцы. Разгорались страсти»,—но позвольте привести небольшой отрывок из описания таких кулачных боев, бывших в 30—40-ых годах прошлого столетия в Петербурге на Охте, где в то время кулачные бои носили название «Доброе дело»: для этого дела «зимой, каждый праздничный день часа в три пополудни, на дорогу, лежащую поперек реки Невы, собирались крычники (работавшие напротив Охты, в мучных и хлебных амбарах Александро-Невской лавры) и поречане (жители Охты) играть в старинную славянскую игру, называемую боем. Со стороны поречан сходилось до полутора ста человек, а со стороны муравьев, т.-е. крычников, вдвое больше. Сначала с обоих берегов реки, на средину ее, сходились мальчишки, крича «дай

бою, дай бою!» Призывный крик к битью. Только к вечеру собирался взрослый народ, тогда дети отодвигались в правую сторону от дороги и устраивали здесь малое плюхоедствие. В бою шли стена на стену, впереди каждой силачи, а сзади остальной люд, напиравший на противника массою. Стали биться очень плотно, дружно и хлестко. Поречане хотя и были теперь теснимы, но отступали в строгом порядке, по вершку, по полувершку. Однако, пядень за пяденью отодвигала их несломимая сила крючников. Тяжело было смотреть на знаменитую битву. Это была уже не игра. На всех лицах было написано откровенное желание сломить у своего врага, вышибить вон какую-нибудь основную часть тела. Они сыпали друг другу страшные удары, но лицо и грудь их окаменели, точно они были не люди, а какие-то изваяния. Окровавились, жестоко бьются, до лома костей бьются, но ни один не сделает фальшивого полуоборота, изучают каждый взгляд и удар друг у друга. Душа замирает у бойца, но и при замирании сохраняется полное присутствие духа... Что за сфинксовые лица? Изредка скрипит челюсть, изредка хрустит кость, совершается дело, если хотите колоссальное, поэтическое, ярко характеризующее народную натуру, и в то же время такого рода дело, которого лучше бы не было на Руси».

Помяловский описывал бой, бывший в царствование императора Николая Павловича, этот бой окончился смертью одного из бойцов—после этого обратили особое внимание на кулачные бои и в таком грандиозном размере они прекратились, но на кулачные бои обращали внимание гораздо раньше.

26 июля 1726 года Петербургский генерал-полицмейстер граф Девниер объявил высочайший именной указ «о небытии кулачным боям без позволения полицмейстерской канцелярии». Из этого указа узнаем, что в 1726 году кулачные бои происходили на нынешней Дворцовой площади, которая во времена Петра Великого и его преемницы имела совсем иной вид. Нынешнего Александровского сада или, «Сада народа», не было, вместо него адмиралтейство было окружено валом и широким адмиралтейским каналом. Квартал, в настоящее время занятый домами бывшего главного штаба и частных лиц, по Невскому проспекту вплоть до арки на Морской улице, был в то время

отведен под морской рынок, вместо Зимнего дворца, гораздо ближе к Неве, стояли постройки частных лиц—Кикина, графа Апраксина, Ягужинского, Крейса, Чернышева, Олсуфьева и др.; на углу нынешнего бульвара, идущего параллельно Александровскому саду, помещалось деревянное здание Петровского кружала или кабака. Здесь-то и собирались бойцы и шли стена на стену по направлению нынешней Александровской колонны. Бои, как видно из указа, носили жестокий характер—от которых боев случается иногда, читаем мы в указе,—что многие, ножи вынув, за другими бойцами гоняются, а иные, в рукавицы положи ядра и камни и кистени, бьют многих без милости смертными побоями, от которых боев есть и не без смертных убийств, которое убийство—подчеркиваем это место—между подлыми и в убийство и в грех не вменяют, также и песком в глаза бросают.

Императрица Екатерина I не решилась прекратить кулачные бои, она стремилась только их урегулировать, сделать менее опасными: для этого желающие устраивать кулачные бои для увеселения должны были выбирать из себя сотских, пятидесятских и десятских и являться в главную полицмейстерскую канцелярию, где их имена записывать и для того бою показывать указные места от полиции. Таким образом полиция должна иметь у себя список бойцов, и бои должны были происходить под контролем полиции.

Указ Екатерины I, конечно, не выполнялся, и Елизавета Петровна и Екатерина II повторяли это запрещение, в результате чего бои с Миллионной, с центра столицы, были перенесены на окраины, на Семеновский плац, на Охту, где и продержались долгое время. Кроме «кулачных боев», Охта заставляет вспомнить и о другом развлечении старого времени—о катании с гор. 25 ноября 1776 года по Петербургу были расклеены и разбросаны ленточки следующего содержания: «Итальянский механик Санавирико, приготавливаясь уже к отъезду и благодаря благосклонных за показанные к представлениям его удовольствия, сям объявляет, что в будущее воскресенье, 27 ноября, представит новую декорацию, называемую «Охта или ледяные горы» с разными увеселениями российской масленицы, а потом казачий балет».

Приезжий искусник, итальянец, желая—выражаясь по современному—сорвать хороший сбор, устроил новую декорацию, представляющую ледяные горы на Охте, этим самым свидетельствуя, что охтенские горы пользовались большим успехом, и, действительно, на эти горы в дни Елизаветы Петровны съезжался весь петербургский бомонд, и сама веселая царица не раз скатывалась на легких саночках с многосаженной горы. Наконец, пужно упомянуть, что в то же Елизаветинское время, за Малой Охтой, среди поля находился острог для содержания ручных медведей, и в 1742 году полиции была задана серьезная задача — «поймка шатающегося в охтенских слободах медведя, бежавшего из острога в тех же слободах» — поймала ли полиция медведя или он благополучно ушел в ближайшие леса, мы не знаем.

За Охтою, на том же правом берегу Невы, должно обратить внимание на Невскую бумажную фабрику, основанную Варгунинным в 1839 году и весной 1840 года уже выпустившую на петербургский рынок первую партию бумаги. Фабрика Варгунина считалась долгое время одной из лучших российских бумажных фабрик; она первая ввела производство бумаги при помощи парового двигателя и первая же получила медаль на Лондонской выставке 1851 года. Затем невиская фабрика ввела в 1874 году неизвестное еще тогда в России производство бумаги из соломы. Начав свое производство в довольно скромных размерах, всего навсего около 430 тыс. фунтов бумаги в год на сумму 190 тыс. руб., имея только три машины, фабрика к своему 50-летию существования дошла до производства в 8 миллионов фунтов на сумму более 1.400.000 руб. Затем имя Варгунина напоминает о первых деятелях на пользу широких народных масс. Владимир Павлович Варгунин, один из членов фирмы, сделал многое для улучшения быта рабочих, основал школу для взрослых, воскресные школы, общежитие и был душою «невского общества разумного развлечения», все-таки дававшего кое-что многочисленному рабочему люду, проживавшему за Невскою заставою.

Бумажная фабрика Варгунина позволяет привести на память небольшую табличку потребления бумаги. Оказывается, что

в первый год XX столетия размер потребления бумаги на 1 жителя выражался в следующих цифрах:

В Англии	в 6,5	килограм.
В Соединенных Штатах	в 5,7	»
В Германии	в 4,4	»
Во Франции	в 4,2	»
В Италии	в 2,00	»
В Австрии	в 2,00	»
В Испании	в 0,85	»
В России	в 0,75	»

т.-е. Россия занимала последнее место в ряду европейских государств, а ведь количество потребляемой бумаги безусловно свидетельствует о степени образованности страны, о просвещенности ее жителей...

Далее правый берег Невы не привлечет нашего внимания вплоть до знаменитых потемкинских «Островков», на этом берегу потянутся обычные кирпичные заводы, небольшие деревушки и села, дачи, бывшие прежде усадьбы помещиков; следует только отметить, что очень скоро от Петербурга, на правом берегу, помещается Саратовская колония. Императрица Екатерина II, желая обучить своих российских верноподданных, как надо вести хозяйство, выписала из Германии ряд семей колонистов, наградила их более, чем достаточным количеством земли, субсидировала их на постройку домов, на домашний инвентарь и освободила их на ряд лет от всяких податей. Весьма понятно, что выписанные колонисты, пользуясь такими льготами, стали процветать, процветают и их потомки, сохранившие свою национальность и обособленность и до наших дней; культурного влияния на окружавшее русское население, бывшее совсем в иных экономических условиях, и главное в крепостной зависимости, колонисты, конечно, не могли оказать.

Наконец, прежде чем перейти на левый берег Невы, небольшая справка о кирпичных заводах. Весьма понятно, что при основании Петербурга, при постройке многих зданий нужда в кирпиче была велика, и велено было отыскивать глину в окрестностях города,—глина была открыта по обе стороны Невы, и канцелярия

каменных дел, была в России и такая канцелярия, стала устраивать казенные кирпичные заводы, но очень скоро выяснилась убыточность казенного производства кирпича, и 9 октября 1713 года последовал указ о продаже кирпичных сараев, построенных от канцелярии каменных дел, частным людям, с предоставлением каждому свободы делать кирпичи и продавать по вольной цене, и с этого времени стали появляться частные заводы в довольно значительном количестве. Кирпичники не могли пожаловаться на плохие дела, в Петербурге строили много, и кирпича требовалось также значительное количество. Нельзя забывать и того обстоятельства, что в Петербурге были страшные пожары—в 1736 и 1737 годах, когда погорела значительная часть адмиралтейского острова, и в 1772 г., когда та же участь постигла Васильевский остров. После таких пожаров, конечно, начиналась усиленная строительная деятельность, и кирпичные промышленники были рады повысить цену, но против этого повышения цен принимались особые меры; так, 9 августа 1737 года был издан сенатский указ «о запрещении под смертною казнию возвысить цены на лесные, кирпичные и прочие материалы». Угроза смертной казни, конечно, действовала. Кроме пожаров промышленники хотели использовать и усиленные дворцовые постройки, особенно тот момент, когда Елизавета Петровна велела гениальному Растрелли построить Зимний дворец. Однако, и в этом случае надежды промышленников не оправдались. Прежде всего, специальною мерою—нарядом разночинцев, живших в Шлиссельбурге и его уезде, для делания кирпича к строению Зимнего дворца—правительство увеличило деятельность казенных заводов, а затем прибегло к широкому оповещению обывателя, что дело обстоит вовсе не так, как стараются убедить обывателя заводчики. 17 января 1757 года петербургский обыватель мог прочесть следующее извещение: «Из канцелярии от строений сим объявляется, что партикулярным кирпичного дела промышленникам в деле и поставке кирпича на партикулярные строения от помянутой канцелярии запрещенія нет и в нынешнем году к строению Зимнего ее императорского величества дому от них, промышленников, кирпича взято не будет и дабы они на канцелярию от строений напрасных отговорок

в том не имели и цены не возвышались, то от конторы невских кирпичных заводов велено объявить о том им с подписями». Заводчики подписки, конечно, дали, но не упимались, и канцелярия от строений в том же году, 25 июля, поместила второе разъяснение. «Сим объявляется, что у кирпичных промышленников кирпича в нынешнее лето должно быть более 15 миллионов, из которого на строение ее императорского величества каменного дому взято будет в три месяца сего года только 4 миллиона с безобидною ценою», и, следовательно, кирпичные промышленники имели достаточное количество на частную продажу. В этом последнем извещении небезынтересно указание на общую производительность петербургских заводов в 50-х годах XVIII столетия—она равнялась 15 миллионам кирпичей.

Левый берег Невы гораздо более интересен: город оканчивается громадными постройками Александро-Невской лавры. Устройство ее было положено Петром Великим. На месте этой лавры, по Черной речке, была расположена чухонская деревня Вахтула, которую первоначальные описыватели местности С.-Петербурга называли «Виктори», приурочивая к ней место боя Александра Невского с Биргером 15 июля 1240 года, что происходило в действительности на устье реки Ижоры. Надо помнить, что область Невы, нынешняя Петербургская губерния, представляла собою издавна владение русского Новгорода, и здесь-то разыгрывались различные перипетии борьбы русских и шведов. Здесь-то, при устье реки Ижоры, и произошел знаменитый Невский бой: сам Александр Невский своим копьём,—так повествует летописец,—возложил печать на лицо Биргера, повородец Гавриил Алексеевич гнал сына Биргера до самой ладьи и, наконец, выехал на доски, положенные с берега, доски подломилась, Гавриил упал с конем в воду, но, выплыв, вновь сразился с одним из воевод шведских. Новгородец Миша сжигал суда врагов. Новгородец Сбыслав Якунович с одним топором врубился в толпы неприятелей. Княжеский ловчий Яков Полочанин с горстью удалцов ударил на целый полк. Отрок Савва пробился до шатра Биргера, подсек его столб и падение шатра лишило шведов остального мужества. Победа русских была вполне решительная. Впоследствии предание перепутало топо-

графиню, и стали утверждать, что битва Александра Невского была при впадении Черной речки, теперь Монастырки. Это предание и послужило главным поводом Петру Первому для создания Александро-Невской лавры. Первоначальный Петровский план не был приведен в исполнение, монастырь заложили гораздо позже. При постройке главной церкви строители допустили ошибку, в результате чего в стенах появились трещины, пришлось разобрать построенное и начать сызнова, и главный собор лавры был освящен только 30 августа 1790 года. При лавре существуют кладбище, и главное из них, Лазаревское любопытно, как своеобразный музей русской скульптуры. В лавре хоронить могли люди только богатые, монахи не стеснялись и брали и за место для могилы, и за рытье могилы, и за отпевание изрядные суммы. Богатые люди, конечно, могли не стесняться в средствах и заказывали на могилах памятники русским скульпторам, и мы найдем на Лазаревском кладбище творения таких скульпторов, как Козловский, Демут-Малиновский, Мартос, Щедрин и другие. К сожалению, настоящего ухода за этими памятниками не было, и многие из них разрушились... Из русских писателей—главное место погребения русских писателей Литературные мостки Волкова кладбища—здесь погребены Ломоносов, Карамзин, Жуковский, Гнедич, из более близких к нам—Апухтин; наконец, здесь же нашли свой последний приют почти все корифеи русской музыки.

За Александро-Невской лаврой начиналось в былое время городское предместье, тянулся Шлиссельбургский тракт, была устроена Невская застава—через шоссе спускался на цепях длинный, выкрашенный в желтый с черным цвет плахбаум, не пропускавший экипажей. Каждый приезжающий и выезжающий должен был предъявить свои документы выходящему из съезжей унтеру, тот проверял их и, если находил все в порядке, кричал: «подвысь!»—плахбаум поднимался, и путешественник мог беспрепятственно продолжать свое путешествие.

Сперва по Шлиссельбургскому тракту, как и вообще по всем дорогам из Петербурга, раздавались участки под дачные места. Царедворцы, получившие эти участки, должны были расчистить их от растущего на них леса, высушивать и застраивать дачами. Но

главное внимание Петра и его ближайших преемников было устремлено на Петергофскую и Царскосельскую перспективы, по Шлиссельбургскому тракту, раздача дачных участков производилась как бы по инерции, и за этими дачами не было усиленного надзора и здесь никогда не возникало таких роскошных построек, как, например, по направлению Петергофа. А вскоре Шлиссельбургский тракт приобрел совершенно иную, специфическую окраску. В 1839 году мы могли прочесть такие строчки: «Десять лет тому назад это место было пусто и землю можно было купить даже по набережной за две—за три тысячи рублей десятина. Теперь она продается по 30 рублей квадратная сажень, т.-е. до 70 тысяч рублей десятина. Изумленные, задерживайте вы бег вашей лошади, чтобы успеть обозреть множество предметов человеческого ума и трудолюбия. Здесь представляется фабрика шелковых тканей, на которых ежедневно занимается тысяча человек, тут паровая пыльная мельница, подле нее мануфактура тканей из льна и пеньки, щедро награждающая работу своих ремесленников, несколько далее фабрика хлопчатой бумаги, которая занимает делом ежедневно 200 человек, за оною видите огромные каменные здания жизненного нерва всех этих мануфактур—чугунно-литейный Александровский завод, который изготовляет между множеством других и паровые машины и для этой мануфактуры и для морских пароходов».

На Шлиссельбургском тракте зарождался в начале 40-х годов прошлого столетия, как тогда говорили, новый мануфактурный городок—место оказалось удобным, и вскоре эта часть Петербурга стала фабричным районом города. И в настоящее время, когда мы едем на пароходе по Неве вдоль этого участка, один за другим встают однообразные, казарменного вида махины—фабричные корпуса и рядом с ними, столь необходимая принадлежность, как былой паспорт для русского обывателя, возвышаются громадные, длинные толстые трубы, извергающие вверх к чистым небесам целые облака душливого смрадного дыма...

Капитализм воздвиг эти махины; капитализм согнал в них тысячи рабочих, чтоб они гнулись над этими станками, регулировали силу парового двигателя... И уныло сумрачный вид этих заводов и фабрик невольно вызывает в уме картину будущего.

Черный уголь, нефть, другие материалы горения должны будут уступить место «белому углю»—электрической энергии. За тысячу верст от естественных водопадов и порогов, по протянутой проволоке будет разноситься в разные места эта новая энергия. И с пею не нужно будет этих громадно-неуклюжих труб, предназначенных для сгорания топлива, отойдут в область предания и эти казарменные машины фабрики, назначенные для соединения тысяч живых сил. Всего этого не будет нужно. И архитектор будущего построит новое здание новой фабрики. Оно будет изящно, красиво, оно изукрасится символическим фасадом, оно будет построено там, где ближе добываемые средства производства. Не нужно будет концентрации—ведь не все ли равно, на какое расстояние передать электрический ток! И гегелевская триада получит свою законченность—ремесленник, сидевший в своем домике, за своим станком это была теза, капитализм дал антитезу—ремесленник превратился в свободного от средств производства рабочего, уютная мастерская ремесленника сменилась казармой—фабрикой; и в будущем появляется синтез: в красивой фабрике—котедже, в обстановке, напоминающей мастерскую, рабочий будущего будет работать силою будущего—электрическим током.

Прежде, чем, выделив из многочисленного ряда фабрик и заводов некоторые, безусловно достойные подробного описания, остановимся на несколько мгновений на той местности, которая служит продолжением Шлиссельбургского проспекта, именуется Смоленским проспектом—это бывшее Смоленское село, а еще ранее Смоленская—Ямская слобода, здесь были переселены из центра России ямщики, чтобы они держали «ямы», они поддерживали почтовое сообщение по Архангелогородскому тракту. С течением времени ямщики исчезли, остались простые владельцы небольших домиков, эти владельцы или сами поступали на соседние фабрики или сдавали квартиры фабричным рабочим.

К сожалению, очень трудно, а может быть даже и невозможно, восстановить, где находились те домики по Смоленскому проспекту, которые в 1872 и 1873 годах носили №№ 33 и 80 а также, где помещался в той же слободе трактир «Рожок». А между тем, с этими домами связаны первые дни пропаганды

среди петербургских рабочих. В домике № 33 жил Синегуб с женою. Синегуб завел тогда обширные знакомства с рабочими артелями на фабрике Торнтон. Число приходивших к Синегубу рабочих вскоре так возросло, что он должен был пригласить к себе на помощь сначала двух товарищей, а затем перетащить к себе и Перовскую. К концу августа 1873 года у него же поселился Л. Тихомиров, перебравшийся тогда из Москвы в С.-Петербург. Тихомиров был поражен успехами пропаганды за Невской заставой и называл это место Сент-Антуанским предместьем. Такое же впечатление произвела пропаганда среди петербургских рабочих на Германа Лопатина, который осенью 1873 года бежал из Сибири и был проездом в Петербурге. Кравчинский привел его, между прочим, и за Невскую заставу, где он увидел лучших рабочих. Он говорил потом, что решительно не ожидал встретить того, что встретил тогда в Петербурге. На руки Перовской Синегуб передал пришедшего к нему как-то Петра Алексеева с четырьмя товарищами. Петр Алексеев еще не был тогда затронут революционной пропагандой и желал просто учиться—«жаждал чистой науки», как говорил Синегуб. Особенно привлекала его почему-то геометрия.

Из перечня действующих лиц видно, что здесь, за Невской заставой, работали первые русские пропагандисты, деятели так называемого кружка «чайковцев». Синегуб пошел на каторгу, Тихомиров сперва эмигрировал за границу, а потом, изменив прежним убеждениям, сделался одним из столпов русского консерватизма. Перовская была повешена по делу первого марта 1881 г., а ее ученик Петр Алексеев сделался видной фигурой в известном процессе 50—речь его вспоминается и поднесь.

Из ряда пробегающих мимо парохода фабричных зданий надо остановить особое внимание на громаднейших постройках «фарфорового» или, как звали в старину, «порцелинового» завода.

«А порцелин слово не китайское, но португальское есть и в португальском языке чашку значит, а по-китайски коалин и петунг-тее означает и порцелин есть не что иное, как в огне пережженный и на половину в стекло обращенный материал, а по сложению своему состоит он между стеклом и цеинном. Если б

он совсем превращен был в стекло, то б равно как и оно не мог устоять против вливаемых вдруг кипящих напитков, к чему он, однако, по употреблению должен быть способен; не совсем прозрачен, потому что не совсем стеклянный. Особливая белизна к числу доброты оного принадлежащая, зависит от материй, его составляющих».

Едва ли читатель 1730 года—вышеприведенные строчки написаны в 1730 году—мог вывести хоть какое-нибудь представление, что же такое «порцелин» или фарфор из этого определения «фарфора», с которым, положим, он к этому времени успел в достаточной степени ознакомиться практически, так как «через отправляющиеся голландцами в Европе торги вывезенная из Китая и Японии фарфоровая посуда так поправилась, что по общему обыкновению не единый покой изрядно убран быть не может, в котором она посуда не имеется». Это «общее обыкновение»—украшать фарфоровыми безделушками свои покои петербуржцев, конечно, знатный, приближенный ко двору, скоро мог удовлетворять более легким способом, чем прежде—вместо того, чтобы выписывать из-за границы или покупать на аукционах китайских товаров, аукционы бывали один раз в год, вскоре после того, как из Кяхты и Иркутска прибывал к Высочайшему двору караван с сибирскими мехами, китайскими материями и порцелином, петербуржду было достаточно поехать по Шлиссельбургскому тракту на вновь устроенный императорский фарфоровый завод.

Завод устроился в начале царствования Елизаветы Петровны, место для него выбрали там, где были кирпичные заводы, руководясь, очевидно, тем соображением, что если раз существует глина для кирпича, то, конечно, можно предположить, что будет глина, годная и для фарфоровых изделий. И хотя такой глины не нашли и ее пришлось привозить в Петербург издалека, но завод фарфоровый основали и для устройства его выписали иностранца. Иностранец оказался шарлатаном, не знавшим секретов изготовления фарфоровых масс, но, видимо, фарфоровый завод был устроен под счастливой звездой, очень скоро после начала деятельности завода на нем стал работать один из русских самородков—Виноградов. Виноградов вместе с Ломоносовым был отправлен за границу, обучился там химии и, приехав обратно

в отечество, все свое знание употребил на разыскивание рецептов для составления составов, из которых можно было бы изготовлять фарфор. Он добился благоприятных результатов, и императорский фарфоровый завод мог чуть ли не сразу выпускать вполне изящные, красивые изделия. Но фарфоровый завод был императорским заводом, он должен был удовлетворять только требования и запросы двора, поэтому он не мог усиленно развивать свою производительность, размеры его деятельности постоянно сокращались и изделия его почти что не пускались на рынок для общего пользования. Все это бесспорно влияло на работы фарфорового завода.

Конечно, возможен вопрос—не представляют ли изделия из фарфора лишь роскоши, пужной немногим, привилегированным классам, и тогда, с этой точки зрения, конечно, не приходится печалиться о том, что деятельность фарфорового завода была слишком сокращенная. Но такая точка зрения является неправильной. Безусловно, в прежнее время фарфор считался принадлежностью лишь немногих, богатых, могущих тратить большие деньги; для остальной массы населения предлагалось пользоваться фаянсом, стеклом, а самые беднейшие низы должны были довольствоваться и деревянною посудой. Но с развитием жизни, но с тем прогрессом, который ценою стольких страданий достигается человечеством, конечно, должен измениться только-что высказанный взгляд, жизнь всего человечества, жизнь каждого человека будет обставлена теми удобствами, той изящностью, тем комфортом, который когда-то был доступен немногим единицам. И в этом случае понятно безусловное распространение фарфора и фарфоровых изделий в широкой среде и таким образом фарфоровому заводу в будущем суждено играть значительную роль. Сейчас, конечно, мы можем только любоваться изделиями завода, можем в музеях, в былых дворцах видеть громадные вазы для украшения комнат, богатейшие сервизы, расписанные различными рисунками, ряд безделушек, и по этим предметам воссоздавать себе картину, как жили когда-то.

Вслед за фарфоровым заводом наше внимание обратит на себя любопытная церковь с колокольнею—церковь эта носит название: «Кулич и Пасха» и, действительно, сама церковь устроена

в виде высокого сдобного кулича, а колокольня напоминает своим видом творожную пасху. Церковь эта, кроме столь своеобразного вида, должна заинтересовать и своим возрастом: постройка началась в 1785 году, а освящение церкви совершилось в 1790 г., т.-е. эта церковь Екатерининской эпохи, ей сто тридцать шесть лет. И только она одна, своим видом, говорит о той метаморфозе, которую испытала окружающая местность прежде, чем принять современный вид, прежде чем сделаться местностью Обухова завода.

В Екатерининскую эпоху здесь, на берегу реки Невы, возвышался трехэтажный барский дом, окруженный разбитым в английском вкусе громадным садом. Кроме главного дома, была масса различных построек, были особые небольшие домики для приезжающих гостей, были служебные корпуса, наконец, были и чисто хозяйственные учреждения—кожевня и вишневый завод, все это представляло кипучую деятельность. Владельцем этого имения был князь А. А. Вяземский, занимавший пост генерал-прокурора и совмещавший в своем лице и министра финансов, и министра юстиции, и, наконец, министра внутренних дел, но, что и было самое главное, обладавший безусловной доверенностью императрицы, знавшей, что хотя ее любимец — человек очень ограниченный, но ничего не сделает без ее приказания. По смерти кн. Вяземского его имение было приобретено в казну. При дворе уже императора Павла I появился аббат Оссовский, который представил русскому императору проект введения в России недавно изобретенного в Англии способа механического прядения. Проект удостоился, как тогда говорили, Высочайшей апробации, Оссовский получил для начала своего предприятия субсидию и для будущей своей мануфактуры приобрел имение князя Вяземского, но дальше приобретения этого имения предприимчивый аббат не пошел, так как он умер уже в начале 1799 года. Приобретенное им имение, а также и проект устройства новой мануфактуры, по распоряжению Павла были пожалованы воспитательному дому, управление было вверено сначала директору, а потом в 1800 г. учрежденному из именитых купцов правлению, на распространение и устройство мануфактуры были отпущены большие суммы денег. Но правление, не заинтересованное лично

в успехах мануфактуры, вело дело чисто по-бюрократически, и мануфактура приносила убыток. Тогда в 1805 году мануфактуру передали в ведение одного лица—директора Олонедских заводов—Гаскойна, этот последний принялся очень энергично за дело, до него станки приводились в движение руками, потом силою течения Невы и напоследок силою животных—быков и лошадей. Гаскойн выписал из Англии паровую машину. Полный успех оправдал его надежды, и он ввел на всей мануфактуре паровую силу.

В лучшую пору своего существования Александровская мануфактура состояла из бумагопрядильни, изготовлявшей силою 700 человек до 22 тысяч пудов пряжи, льнопрядильни, на которой было занято до 600 человек, ткацкой, работавшей 350 станками, из них 75 механических, чулочной, механической мастерской для ремонта машин и кожевенной. Число рабочих достигало до 2.700 человек, а всех лиц, приписанных к мануфактуре, было до 4 т. человек. Эти лица делились на 6 разрядов: 1) питомцы воспитательного дома несовершеннолетние, 2) те же, по оставшиеся по совершеннолетию на сроки, 3) таковые же, выслужившие свои сроки и оставленные по обоюдному с начальством мануфактуры согласию, 4) казенные и приписные мастеровые, 5) инвалиды 3 рот и 6) вольнонаемные.

Главным контингентом фабричных на этой мануфактуре были воспитанники и воспитанницы воспитательного дома. Проезжая мимо Охты, экскурсант должен вспомнить о крепостных людях, принадлежавших не частным лицам, а казенным учреждениям, отдельным ведомствам—в данном случае морскому ведомству. Нынешний Обуховский завод, прежняя Александровская мануфактура познакомят с другою уродливостью нашей прежней жизни—с крепостными из воспитательного дома. Число подкидышей, приносимых в воспитательный дом, все увеличивалось и увеличивалось, власти недоумевали, как быть с этими несчастными, как звал русский народ незаконнорожденных, и в конце концов пришли к такому выводу—воспитанники воспитательного дома могут из себя представить даровую силу, помощью которой можно добиться прогресса российской промышленности; для этого нужно этих воспитанников, когда они выйдут из детского воз-

раста и смогут работать, приучать к мануфактурной работе, следует их учить стать работниками и работницами. И для этого-то устроили только-что нами описанную Александровскую мануфактуру, на нее отсылали воспитанников воспитательного дома и здесь-то они должны были учиться и работать. В это время здания этой мануфактуры представляли почти равносторонний четырехугольник, построенный, однако ж, в разное время и по разным планам. В переднем или западном углу этого четырехугольника находилось посредине главное крыльцо, церковь, рекреационное зало и большая чертежная, направо приемная и классы, налево столовая для питомцев и правление, ввиду кухни и кладовые. В северном боку, лежащем вдоль самого берега Невы, помещались уточная, т.-е. мастерская, где пряли бумажную пряжу, употребляемую на уток, также временная промывальня для льняной пряжи и красильня. В южном боку находились бумажно-основная прядильня, механическая, где изготовлялись и поправлялись машины, карточная (где изготовлялись карты), о них речь будет ниже), бердная, кардная и кожевенная. Восточный бок занимался льнопрядильною и парусно-ткацкой. На обширном и примерно чистом дворе находились так-называемый большой дом, бывшая дача Вяземского, где помещены спальни воспитанников, небольшое строение, занимаемое магазином готовых вещей и ткацкою столового белья. У северо-западного угла этого двора находилось небольшое строение, где добывался газ для освещения всей фабрики. К юго-восточному углу примыкал обширный каменный лазарет питомцев, а с юго-западным соединялся сад воспитанниц и большое каменное здание, где заключали спальни последних. От лазарета до самой Невы, огибая фабрику, лежали дома, в коих жили чиновники, женатые воспитанники и мастеровые; казармы трех инвалидов рот, расположенных при мануфактуре с лазаретом их и церковь, лежали за восточным боком. Как видим из этого описания, это был целый городок, при устройстве которого былая усадьба князя Вяземского подверглась большому изменению.

При этой мануфактуре, как мы и указывали выше, существовала и фабрика карт. Карты признавались у нас в России издавна за большое зло, с которым необходимо бороться. «Понеже

указом дяди нашего — лажешной и вечной памяти достойного го сударя императора Петра I в прошлом 1717 году в народ опубликовано было, дабы никому в деньги не играть под тройным штрафом, обретающихся денег в игре; а ныне нам известно учинилось, что не токмо по тому указу такая богомерзкая игра не пресекалась, но многие компаниями и в партикулярных домах как в карты, так в кости и другие игры проигрывают деньги, пожитки, людей, деревни свои, от чего не только в крайнее убожество и разорение приходят, но и в самый тяжкий грех впадают и души свои в конечную погибель приводят» — так убеждал российских картежников указ от 29 января 1733 года. «А наше по ревности закона Божия Всемилостивейшее намерение и соизволение в том состоит, дабы такие богомерзкие и вредительные игры, конечно, пресечены были. Того ради Высочайше повелеваем по всей нашей Всероссийской империи публиковать в народ печатные указы, чтоб никто из наших верных подданных, съезжаясь в партикулярных и вольных домах, как в деньги, так и на пожитки, дворы и деревни и на людей ни в какую игру отнюдь не играли, а ежели кто и за сим нашим Всемилостивейшим указом и запрещением такие богомерзкие промерзости чинить будет, таковых повелеваем жестоко штрафовать, а именно за первое преступление по вышеописанному указу 1717 года тройным взятием обретающихся денег и прочего в игре, из чего давать объявившему о том треть, а две доли на госпитали, будь же кто во оном преступлении явится вторично, таковых сверх оного взять, офицеров и прочих знатных людей сажать в тюрьму на месяц, а подлых бить батогами нещадно, а за третье преступление, сверх взятия денежного, оное наказание умножить вдвое, а кто уже затем пойман будет, с таковым поступать жестоко, смотря по важности дела, и того смотреть во всех поместях и в городах губернаторам и воеводам, а в армии нашей главным командирам, чтоб сей указ везде исполняем был неотложно».

Как видим, указ очень характерен. Прежде всего он как бы заранее примиряется с тем обстоятельством, что его не будут исполнять, и сразу же приводит наказания за четырехкратное нарушение этого указа. Далее, безинтересно и стремление поддествовать указанием и гнева Божия — картежники «души свои

в конечную погибель приводят». Но, конечно, и этот указ, как и вышедший Петром I в 1717 году, не оказывал влияния на не только прекращение, но и на уменьшение карточной игры и в 1832 году, т.-е. почти через сто лет император Николай I должен был констатировать, «что Мы с прискорбием видим, что в империи нашей, с одной стороны, пагубная страсть к запрещенной игре, а с другой—алчность к приобретению чужой собственности, оным постыдным образом удовлетворяемая, не перестает по временам являть и новые жертвы и новых нарушителей государственных постановлений. Обращая попечения Наши к устройению благосостояния любезных верноподданных наших на прочном основании, Мы убедились, что азартная игра, в одно мгновение отъемлющая достояние у семейств, многочисленными трудами приобретенное, и передающая оное людям, своими поступками позор общества составляющим, есть правящая зараза, в благоустроенном государстве никогда и ни под каким видом не терпимая».—За таким обращением к уму и сердцу своих верноподданных следовали указания гражданским начальствам «не допускать» и «пресекать».

В более близкое к нам время «Высочайшие указы и повеления» заменились распоряжениями министра внутренних дел, а иногда и даже низших полицейских агентов, причем, конечно, о спасении души и о богомерзости карточной игры не говорилось, а просто—просто та или иная игра изгонялась из клубов и преследовались тайные игорные приюты. Но Высочайшая власть, издавая, с одной стороны, строжайшие указы против карточной игры, с другой стороны, принимала горячее участие в этой карточной игре, таким образом сама себе противоречила, а императрица Екатерина II указом 22 ноября 1779 года еще сильнее подчеркнула это противоречие. До вышеупомянутого указа карты считались всего-навсего одним из видов мануфактуры и как таковые подвергались известному сбору, который производила мануфактур-коллегия. Но после указа 1779 года сбор с карт перешел в ведение воспитательного дома, карты, или вернее суммы, получаемые за продажу карт, должны были быть одною из статей дохода, на который и существовал воспитательный дом; таким образом одно из симпатичных благотворительных учреждений должно было

содержаться на грязные деньги, на деньги, получаемые с продажи карт, которые, или игра в которые, преследовалась законодательством.

Весьма понятно, что при таком противоречии карательные меры не приносили никакого успеха—при Елизавете Петровне в залах ее дворца расставлялись игральные столы, так-называемые ломберные, потому что на них играли в карточную игру «Ломбер», и придворные дамы, не только кавалеры, просиживали всю ночь до утра; Екатерина II с своими приближенными играла в карты на «бриллианты», перед каждым игроком ставилась фарфоровая тарелочка или ящичек, в котором находились мелкие бриллианты; воспитатель Павла Петровича под 19 февраля 1765 года заносит: «пришел его превосходительство Никита Иванович (Панин). Показывал нам его превосходительство карточную игру, «берлан» называемую: государь тотчас понял ее и играли мы более часу»; Александр I, издав указ «об истреблении неопозволенных карточных игр», в котором, между прочим, было сказано, что «толпа бесчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, одним ударом исторгает из рук неопытных юношей достояние предков, веками службы и трудов уготованное», получил следующий ответ от своего приближенного Левашева, продолжавшего играть в азартные игры. Государь его спросил: «Я слышал, что ты играешь в азартные игры? — Играю, государь, отвечал Левашев.—Да разве ты не читал указа, данного мною против игроков?—Читал, ваше величество, возразил Левашев, но этот указ до меня не относится: он обнародован в предосторожности неопытных юношей, а самому младшему играющему со мною пятьдесят лет».

Первое время карты выписывались из-за границы—«в деревянном гостином дворе в овощной линии в лавке № 54 продаются карты, называемые Кемпи, каждая игра по 50 коп.» — так было в 1761 году, а в 1769 году «на бирже у тульского купца Пастухова в апбаре № 54 продаются молотковые (sic?) иностранные карты, лучшей доброты, ящичками от 100 до 120 дюжин в ящичке»; затем в середине 70-ых годов XVIII века стали устраиваться в Петербурге фабрики—«в Шаровом доме против шелковых лавок заводится (1775 г.) новая карточная фабрика, желающие

карты иметь могут получать на оной фабрике лучшие против прочих и дешевою ценою». Фабрики эти существовали до 1819 г., когда они были закрыты и взамен их основана на Александровской мануфактуре карточная фабрика воспитательного дома, затем перешедшая в ведение учреждений вельмож императрицы Марии и состоящая под главным управлением одного из почетных опекунов.

«Карты—зло», говорило правительство и издавало указы против карточной игры, но ведь от карт громадный доход, в одном 1893 году было выделано 980 тысяч колод, и карточная фабрика берется в казну и управлять этой фабрикою поручается лицу, стоящему на высшей ступени иерархической лестницы! В этом противоречии никто не замечал чего-нибудь странного, оно казалось вполне естественным, ведь и пьянство было грех, пьяница должен был попасть в ад, а продажа водки была в руках правительства, существовала государственная монополия.

«Вот отчет Александровской мануфактуры,—писал фельетонист 1833 года,—посмотрите, Александровская мануфактура выдвывает ежегодно 145.000 дюжин колод разного разбора, считая каждую дюжину круглым числом по 10 р., найдем мы, что всякий год карты нам стоят 1.450.000 р. Что, еслиб эту сумму мы ежегодно обращали на покупку хороших книг, на распространение наших познаний? Но это не все: 1.450.000 р. есть только сумма, которую получает мануфактура за оптовую продажу карт: нам они обходятся гораздо дороже. Мы платим лакеям по 5 р. за всякую пару колод, следовательно, по 30 рублей дюжина. Поэтому карты нам стоят не 1.450.000 р., а 4.350.000 р. С этой суммы следует, однако, скинуть 350.000 р. на тех, которые уходят, не заплатив за карты, и обманывают лакеев, хотя есть великодушные люди, которые платят лакеям по 25 рублей за 2 колоды, все-таки карты лишают нас в год 4 миллионов наличного капитала. Далее, 2 колодами можно играть 3 часа, в губернских городах ими играют и по 10 часов, но мы положим умеренно, средним числом, 3 часа. Итак, чтобы сыграть 145.000 дюжин, потребуется 2.610.000 человек. Считая рабочий день в 12 часов и рабочий год в 360 дней, находим, что в течение года теряем мы за картами 725 лет. По моему исчислению, Петербург был бы засыпан

прошгодними картами по самый корабль, вертящийся на Адмиралтейском шпиге с одной стороны от пулковской гордыбы до харчевни, что на Парголовской дороге, а с другой—от Охты до самого моря».

Карточная фабрика существовала вплоть до последнего времени, все же остальные заведения Александровской мануфактуры, как положим и должно было ожидать, просуществовали лишь до падения крепостного права. Лишившись дарового труда, эти своеобразные крепостные фабричные учреждения должны были ликвидировать свою деятельность, и в 1863 году земли и постройки Александровской мануфактуры перешли сначала к частному лицу Обухову, который и основал здесь Обуховский завод, этот завод потом перешел в ведение морского министерства.

С этим заводом, очень интересным и любопытным в техническом отношении, связано следующее политическое воспоминание.

7 мая 1901 года около 2 часов дня—так читаем мы в обвинительном акте по знаменитому Обуховскому делу—последняя часть рабочих, вернувшихся после обеденного перерыва во двор Обуховского сталелитейного завода для продолжения работ, всего около 150 человек, не расходилась по мастерским, а начала производить шум, на который стали выходить рабочие из ближайших мастерских. В виду возникшего на дворе завода шума, туда прибыл сперва помощник начальника завода подполковник Иванов, а вслед за ним уволенный уже в командировку, но не уехавший еще начальник завода генерал-майор Власьев. Толпа рабочих,—подчеркивает обвинительный акт,—вела себя в это время крайне неприлично, шумела и кричала: «Долой капиталистов!» «Нам нужна свобода!» «Отечество наше там, где хлеб!» и требовала немедленного прекращения работ на заводе.

На предложение начальника завода Власьева, в виду невозможности говорить со всею толпою, избрать из своей среды уполномоченных, которых он готов выслушать,—из толпы послышались возгласы: «Мы знаем, уполномоченных наших вы заморите потом в тюрьмах!» А затем, после заявления Власьева, что он ручается, что с ними ничего не будет сделано—из толпы выделились трое или четверо рабочих, объявивших, что они требуют:

1. Введения восьмичасового дня.

2. Уничтожения почтовых работ.
3. Увеличения заработной платы.
4. Установления празднования 1 мая.
5. Прощения и возвращения рабочих, уволенных за прогул 1 мая.
6. Удаления подполковника Иванова.

Дальше обвинительный акт прямо великолепен: «объяснив рабочим нелепость некоторых их требований (каких, к сожаленью, в акте не указано), генерал-майор Власьев обещал заняться по возвращении из командировки улажением справедливой части их требований и предложил им разойтись по мастерским и уехал в Петербург. Между тем, рабочие, проникшие в мастерские, стали угрозами требовать прекращения работ и подстрекать продолжающих работы к самовольной остановке таковых. Вскоре подполковник Иванов, находясь в конторе завода, услышал, что в миночной и станочной мастерских вновь стали шуметь, причём вскоре раздался самовольно произведенный тревожный гудок об окончании работ. Выйдя на двор завода, Иванов застал там уже тысячную толпу, сильно возбужденную, и, чтобы предупредить возможность серьезных последствий для завода, крикнул, чтоб рабочие выбирали одно из двух: «или по работам» или «по домам». Тогда вся толпа, выйдя из завода с гиканием и криком ура, направилась на Шлиссельбургский проспект. В виду угрожающего для безопасности Обуховского завода построения тысячной толпы рабочих, оставившей завод и образовавшей с припкнувшими к ней на Шлиссельбургском проспекте посторонними лицами публичное скопище (что за прелесть это определение — публичного скопища?), подполковник Иванов (как видно, рабочие вполне основательно домогались его удаления), опасаясь за целостность завода, дал знать о возникшем волнении в местный полицейский участок, откуда было сообщено и полицмейстеру III отделения С.-Петербурга. Полицейстер прибыл тотчас по уведомлению в село Александровское в сопровождении эскадрона жапдармов, 52 пеших и 19 конных городских, застал около Обуховского завода скопище большого количества народа, преимущественно рабочих, которые, выйдя с завода, шли более или менее значительными группами. В общем толпа держала себя сначала спокойно и все, по удостоверению полицмейстера, огра-

ничивалось тем, что в той или другой группе раздавались свист, громкие крики и ура. Вскоре, однако же, настроение толпы сделалось более возбужденным, она стала вести себя вызывающим образом (из дальнейших выписок из обвинительного акта ясно, что возбудила толпу сама же полиция). На неоднократное предложение полицейских чинов разойтись, из толпы послышались крики, что они, рабочие, находятся у себя дома и не намерены уходить. Когда затем около 6 часов вечера окончились работы на карточной фабрике и на Александровском заводе, то рабочие этой фабрики и завода и другие посторонние лица (ох, эти «посторонние лица» бывших обвинительных актов, в них-то и заключалось все зло) присоединились на Шлиссельбургском проспекте к буйствовавшим там лицам, образовав скопище народа в несколько тысяч, часть какового направилась к шлагбаумам, ограждающим проезд узкоколейной железной дороги через Шлиссельбургский проспект, овладела ими и, опустив их, прекратила всякое движение по проспекту конки и полицейских чинов. В виду этого полицмейстер приказал штабс-капитану полицейского резерва Страховичу занять шлагбаум для освобождения проезда. Лишь только Страхович подошел к шлагбаумам, как на бывший в его распоряжении парад полиции набросилась толпа, сбила с ног находящегося с ним городского и рассеяла остальных, самого же Страховича схватили и хотели втащить в толпу, но в это время на помощь ему подошел взвод жандармов и конно-полицейской стражи, который отеснил нападавшую толпу, причем некоторая часть последней скрылась во дворе флигелей карточной фабрики, заперев и забаррикадировав изнутри ворота и калитки. Вскоре после этого и сам полицмейстер отправился к вышеупомянутым шлагбаумам, причем, как только он поравнялся с забором, ограждавшим двор у флигелей карточной фабрики, на него и сопровождавших его полицейских чинов посыпался из-за забора град камней. Полицмейстер приказал городovým выломать забаррикадированные калитки и проникнуть во двор, но это распоряжение не могло быть исполнено, так как, в виду съжавшихся на полицейских чинов со всех сторон булыжников, они должны были отступить. Тогда, с целью поугатать буйствовавших, по приказанию полицмейстера, городowymi было произведено по

два выстрела (а всех гороховых было 71, следовательно, выстрелов было сделано до 150) в забор флигелей карточной фабрики. Вследствие безвредности этих выстрелов толпа, засевшая во дворе упомянутых флигелей, еще с большею смелостью стала осыпать полицию градом камней. По прибытии на Обуховский завод полицмейстер застал страшную панику, и временно управляющий заводом подполковник Иванов, заявив полицмейстеру, что опасается нападения со стороны рабочих на завод, предложил воспользоваться имеющейся при заводе командой матросов. По прибытии на завод с противоположного берега Невы флотской команды в количестве 20 человек, эта команда была выставлена в перестрелку против буйствовавшей толпы, и в это же время в нее посыпались камни. Тогда находившийся тут же пристав разрешил стрелять в толпу. Предупреждения об этом сделано не было (как и обыкновенно в таких случаях), но когда морскою командою был произведен первый залп, не имевший никаких последствий, тогда толпа разразилась хохотом и с криком ура засыпала матросов камнями. Вслед за сим команда была раздвинута по проспекту и в толпу даны были следующие два (так говорится в обвинительном акте, все бывшие на происшествии утверждали, что залпов было гораздо больше) залпа боевыми снарядами, после чего толпа рассеялась».

Дальше все следовало как по писанному—явились солдаты, полиция, были произведены аресты и 27—28 сентября 1901 года, т.-е. приблизительно через полгода перед окружным судом появилось 37 человек рабочих. Они были выхвачены случайно, но их, конечно, обвинили и в предварительном уговоре и в совокупности действия с другими, следствием не обнаруженными лицами и присудили часть из них к каторжным работам, часть к исправительным арестантским отделениям и, наконец, к заключению в тюрьму. Судебный приговор отметил особенно безобразное поведение двух 18-летних работниц Марии Яковлевой и Лидии Буржевской—они принимали деятельное участие в беспорядках, выбирали булыжник из мостовой и в подолах платья подносили защищающимся рабочим, причем Яковлева заявила, что она так поступала из-за сочувствия рабочим—три года тюрьмы были следствием этого сочувствия.

По поводу выступления обуховских рабочих в то время писались такие строчки, так выяснялось значение выступления обуховцев: «выставляя такое требование, как политическая свобода, обуховские рабочие этим открыли новый период в истории русского рабочего движения: период активной борьбы за политическую власть рабочего класса. Низвержение абсолютизма—первый шаг на пути к этому. И потому день 7 мая 1901 года для русского пролетариата навсегда останется одним из наиболее светлых праздников. Обуховские беспорядки и процесс выдали русскому рабочему классу «аттестат зрелости».

За нынешним Обуховским заводом, за бывшим Александровским селом, летней резиденциею всеильного генерал-прокурора—помещалась мыза «Мурзинка»; при Петре Великом эта мыза была дана в собственность Румянцеву. Едва ли и сам Румянцев, да и вообще первые владельцы Мурзинки, обращали на нее большое внимание. Мурзинка стала процветать лишь во времена Екатерины II, когда эта деревня, вместе с селом Александровским, перешла во владение князя Вяземского. В «Мурзинке» были построены хоромы попроще и поскромнее, чем в селе Александровском, в этих хорах помещались многочисленные родные и знакомые князя Вяземского. В верхнем этаже Мурзинского дома (дом существовал еще в 1917 году, представляя красивый образец загородного дома второй половины XVIII в.) летом 1777 г. нередко жила и «бард полуночных стран», так называли поэта Державина.

Мурзинка—одна из многочисленных забытых помещичьих усадеб, с которыми так легко встретиться и под самым Петербургом.

Длинная, широкая, по вся уже заросшая березовая аллея ведет от Шлиссельбургского шоссе в глубь громадного парка, где почти на берегу Невы был построен дом-дворец. По парку, теряясь в его заросшей глуши, бежит небольшой ручеек, каскадом впадал в Неву. И этот ручеек—труд рук человеческих, он был нарочно прокопан крепостными, чтобы оживить барский парк...

Первое большое село на левом берегу Невы под Петербургом, уже почти совсем слившееся со столицею,—село Рыбацкое или, как оно раньше звалось, село Рыбное, населенное вызванными,

или вернее насильно переселенными Петром Великим рыбаками в 1716 году. Рыбаки эти должны ловить рыбу для царского стола». На поле, за Невским монастырем, за Смоленской Ямской деревнею близ села Рыбацкого, читаем мы в современных известиях, 2 июля 1765 года была соколиная царская охота, и жители того села поднесли ее величеству выловленных в Неве лососей и сига». Заготовление припасов для царского двора было в старину, особенно начиная с Елизаветы Петровны, делом чрезвычайной важности...

Красивая, молодая, статная Елизавета Петровна, в молодости любившая танцевать и бывшая едва ли не первою в танцах среди своих современниц, сменила развлечения танцами на наслаждения гастрономические: обеды и особенно ужины при дворе Елизаветы Петровны изумляли и обилием кушаний и тщательностью их изготовления и богатством сервировки, особенно интересен драгоценный сервиз с изображением Царского или, как тогда звали, Сарского Села.

В 1757 году к Высочайшему двору было поставлено 24.930 пудов и 5 ф. мяса, 105.560 штук домашней птицы, 23.486 штук дичи, 515.343 штуки различной рыбы, 586.653 яйца, т.е. в среднем в день выходило на царский стол до 68 пудов мяса, до 300 штук домашней птицы, до 274 штук дичи, до 1.500 штук рыбы и около 1.500 яиц!

Одной говядины вышло около 16.000 пудов, телят было потреблено 3.069 штук, из домашней птицы особенно много пошло русских кур—75.800 штук и цыплят 14.765 штук; из лесной дичи предпочтение отдавалось тетеревам и рябчикам, затем потреблялись дрозды, свисттели, молодые голуби и серые куропатки; живых стерлядей было съедено 5.268 штук.

С рыбою в то время было много хлопот: доставить живую стерлядь с Волги-матушки или с Белого озера было мудрено; еще мудренее было сохранять ее живую — и поставщики живой рыбы пользовались многими льготами. Так, один из жителей слободы Рыбной уже с-петербургский купец Терентий Резвой был освобожден от всякой службы, а дома его от постоев, дабы он мог беспрепятственно поставлять живых стерлядей необъятной величины. Расценка живой рыбы была следующая:

стерлядь $1\frac{1}{4}$ арш. стоила 2 р., аршинная 1 р. 87 к., 10 вершковая—1 р., а шестивершковая только 35 к.; сравнительно дорога была и щука: за один аршин с четвертью давали 1 р. 22 к., а шестивершковая оценивалась в 11 копеек, сотня ершей стоила 43 коп.

В 1753 г. на рыбий стол при дворе истратили 9.267 р. $71\frac{3}{4}$ к., а через 10 лет, в 1763 году, была произведена любопытная попытка культивирования стерлядей в Неве: в Неву 4 ноября 1763 года было спущено 1.800 штук семивершковых стерлядей и отдан был строгий приказ о неловлении маломерных стерлядей в Неве, и о приносе крупных стерлядей в 10 и более вершков в главную дворцовую канцелярию и о непродаже партикулярным людям.

Из вышесказанного будет понятно образование под Петербургом особой Рыбацкой слободы, занятием жителей которой должна была быть рыбная ловля, но, с течением времени, поставка рыбы для Высочайшего двора стала изготовляться подрядами, и жители слободы стали заниматься и кирпичным промыслом и торговлею. В 1789 году, когда шведы произвели внезапное нападение на Россию, и у нас, по нашему обыкновению, все было благополучно и готово лишь на бумаге, а на самом деле в гребной флотилии Балтийского флота не хватило гребцов—жители Рыбацкой слободы порешили пойти в гребцы. В память этого Екатерина II повелела воздвигнуть в слободе гранитную пирамиду, с чугунною доской, на которой золотыми буквами была сделана следующая надпись: «Сооружен повелением благочестивейшей, самодержавнейшей императрицы Екатерины II в память усердия Рыбачей слободы крестьян, добровольно нарядивших с четырех пятого человека на службу ее величества и отечества во время шведской войны 1789 года июня 15 дня».

Рыбацкая слобода связана с именем Федора Никифоровича Слепушкина (1783—1848 г.), не родившегося здесь, как указывалось некоторыми, но долгое время жившего и здесь умершего от холеры в 1848 году. Слепушкин—один из российских самородков, открытый русским деятелем Павлом Свиныным, редактором и издателем «Отечественных Записок», в первые годы

существования этого журнала, когда он ставил своею целью— «отыскивать все выдающееся отечественное».

Слепушкин—крестьянин-ярославец был в Москве сидельцем в съестной лавке, торговал на улицах Петербурга вареной грушею, открыл затем мелочную лавочку, потом содержал перевоз через Неву в Ново-Саратовской колонии, а затем переселился в Рыбацкое село, где сделался и кирпичезаводчиком и купцом. Под влиянием басен Крылова, он стал сам писать басни; про эти басни узнал вышеуказанный Свиньин, стал ими восторгаться и оказывать всякое содействие безусловно талантливому, но не выходящему из ряда вон, вовсе не гениальному Слепушкину. В 1826 году появилась книжка стихов Слепушкина под названием «Досуги сельского жителя», она имела большой успех. Академия Наук присудила стихотворцу золотую медаль, а император Николай I наградил его почетным кафтаном. Повторяем, литературное значение Слепушкина невелико, но он все же является связующим звеном между старою книжною лирикою Ломоносова и народной поэзией Кольцова. Но одно из произведений Слепушкина безусловно интересно и заслуживает внимания и в настоящее время. В 1833 году был невероятный неурожай. В единственной ежедневной газете того времени мы наталкиваемся на следующие строчки: «Известно вам, — писал один из русских помещиков того времени некто Свечин, — сколь много я был озабочен мыслью, что добрые мои крестьяне, хотя и имеют теперь довольно хлеба, но к концу года, по всеобщему бедственному неурожаю, могут терпеть в нем нужду... День и ночь мучился я, что, будучи сам в труднейших обстоятельствах, не имею способов запастись теперь таким количеством хлеба, которого было бы достаточно для вспомоществования тем из них, кои будут иметь в оном недостаток... К тому же слыша, что в некоторых местах крестьяне, не имея хлеба, употребляют в пищу уже грешившую (правонаписание подлинника от гречихи) мякину—я содрогнулся сердцем».

Само правительство должно было признать факт голода. Правда, это признание было сделано не сразу. В начале 1833 г., когда уже рисовалась печальная перспектива, появилось официальное сообщение министра внутренних дел следующего

содержания: «Из северных губерний урожай хорош только в одной Костромской, а в прочих в большей части посредственный, даже скудный; из числа губерний и областей средней полосы: в пяти довольно изрядный, а в прочих посредственный, притом в обеих сих полосах яровые хлеба лучше озимых; в южных губерниях большею частью хорошие; в Сибирских губерниях и областях посредственны; травы везде в сложности изрядны».

Констатируя таким образом факты неудовлетворительного состояния посевов, граф Блудов, бывший арзамасец и либерал, сразу меняет минорный тон на мажорный, заявляя: «вообще при помощи запасов прежних лет нельзя предположить ни в одной губернии недостатка в продовольствии, но только возвышение цен на хлеб».

Так говорилось в начале года, причем объяснение причин было дано тотчас: виноваты во всем погода и насекомые. В самом деле: в северной и средней полосе с весны и в начале лета необычайный холод, потом проливные дожди, грозы, бури и ранние морозы, иней и снег; в южной — с начала весны засуха, потом проливные дожди, грозы, червь и другие насекомые и ранние морозы; в Сибирских губерниях наиболее погибло хлебов от ветров, от кобылки (местное название российской, но не азиатской саранчи) и от ранних морозов, инеев и снегов.

Но ожидания министра внутренних дел не оправдались. Цены на хлеб во многих местах не могли подняться от простой причины — с полей не собрали буквально ни зерна, вовсе не жали, следовательно, продавать было нечего, не могли появиться и высокие цены. И правительство принуждено было принять экстраординарные меры помощи, возвестив о них Высочайшим манифестом.

«Необычайные засухи истекающего лета имели последствием — так начинался манифест — скудные в обширной и плодороднейшей полосе империи нашей урожай. В живейшем сочувствии к угрожающему любезным верноподанным нашим бедствию, желая отвратить пагубные последствия его всеми способами, от правительства зависящими, повелеваем» — далее следовал длинный ряд многих льгот: министерство финансов должно отправлять в каждую губернию, могущую иметь надобность в пособии, на продо-

вольствие или обсеменение полей до 100 тысяч рублей из государственного казначейства, а министерство внутренних дел могло допускать употребление из губернских продовольственных капиталов ссуды до 200 т. р. без особого разрешения; дозволен был беспшлинный привоз зернового хлеба из заграницы; отлучающимся на работы, всякого звания людям дозволена выдача безденежных паспортов, отсрочен в ряде губерний рекрутский набор, производство новой переписи было отложено, также отложены платежи государственных податей, земских повинностей и мирских сборов; расерочены на три года платежи частных лиц по займам из кредитных учреждений; канцелярским чиновникам разрешено выдавать пособие из казначейства; повелено увеличить общественные работы; в частности—для Петербурга, например, введена льготная продажа хлеба беднейшим жителям не только из магазинов городского ведомства, но и из всех вообще провиантских магазинов, а для неурожайных губерний разрешено было стрелять и продавать дичь в неуказное время.

Таким образом, казалось, было сделано все, что только зависело от правительства. Но за манифестом последовали циркуляры. Высочайший манифест разрешал ссуды в значительных размерах, министерство внутренних дел тотчас разъяснило с своей стороны, как понимать это место манифеста. «Слухи о пособии», циркуляром извещал Блудов губернаторов, «могли возбудить неумеренные, неосновательные ожидания в людях низших и даже высших состояний; они могли также, с одной стороны, распространяя опасение, с другой—открывая новое поле торговым спекулянтам, иметь влияние на несоразмерное с истинным положением вещей повышение цен на хлеб, а в иных местах или остановить торговлю оным или подать необыкновенное, не совсем соответствующее постоянным потребностям государства направление».

Весьма понятно, что при таком взгляде на пособие со стороны министерства, высшие губернские власти с своей стороны уменьшали и сокращали просьбы, стараясь по возможности не возбуждать ходатайств о ссудах, а низшие административные начальства, по всей вероятности, повторяли отзыв одного из исправников Оренбургской губернии, который в рапорте

к военному губернатору писал буквально следующее: «Оренбургский уезд питается жемчугами и травою, однако ж, от того вреда не предвидится».

И хотя на бумаге помощь была оказана в самых широких размерах—в действительности картины ужасов голодовки были слишком мрачны. Цензурные условия того времени были таковы, что сообщать печатно о голоде было невозможно. Просмотрев почти все периодические издания того времени, мы нашли только одну вещь, отвечающую на запрос времени. Это следующее стихотворение вышеупомянутого Слепушкина,—помещенное в литературных прибавлениях к № 14 «Русского Инвалида».

Дождь проливной, солнца зной
Все поля пожгло, сгноило,
Позаржавел серп с косой,
Отдыхает молотило.
Весь засох подножный корм.
День от дня весь скот худеет,
И заботный сельский дом
К общей жалости беднеет.

Вот лошадок продают,
То коров заветных дойных,
И от тягости дней черных
Батраками в мир идут;
А купец—под ключ амбары:
Глад ему—тяжелый год,
И на хлебные товары,
Каждый день—цена растет!

Очерствел богач душою,
К бедным сделался, как лед,
Смотрит дикою совою
И своих не узнает!
А о том одна забота,
Чтоб рубли брать за гроши,
Превеликая охота
Жить на счет чужой души.

Надо сознаться, что описание для того времени довольно смелое, конечно, конец портит все впечатление, как и следовало

для царствования Николая Павловича, стихотворение должно было окончиться славословием—начальство заметило указанный беспорядок, приняло меры и

И купды переменились,
И установилась цена!

но читатель того времени умел гораздо лучше читать между строчек и отличать, что написано поэтом по побуждению, по своей воле, и что зависит от благоусмотрения начальства.

Затем вплоть до самых Пельских порогов берега Невы не представляют чего-либо особенно выдающегося — при впадении притоков рек, на устьях расположен ряд сел, между ними на устье Ижоры уже упоминаемое нами село Ижора, где Александр Невский победил шведов, около этого села устроен специальный лагерь для саперных и инженерных войск, имеется наводимый иногда понтонный мост, затем высокие трубы гофманских печей говорят о наличии кирпичных заводов, сравнительно большие, хорошо устроенные крестьянские избы свидетельствуют о благосостоянии крестьян, умеющих извлекать выгоду из близкого соседства со столицею.

Пельские пороги находятся за устьем реки Тосны. При впадении этой реки в Неву, ширина последней равняется 520 сажням; выше Тосны, между селом Ивановским и деревнею Петрушиною, Нева образует крутой поворот от севера к западу, каменное ложе реки здесь самое узкое до 100 сажен и от мыса Святки с левого берега тянется на расстояние сажен 20 гряда наружных и подводных камней, течение реки быстрое и извилистое, здесь есть даже риф, посреди реки лежит довольно большая банка, но в смысле судоходства и эти пороги не представляют чего-либо особенно затруднительного, так как фарватер здесь в 20 и более футов глубины и до 50 сажен ширины при ширине реки до 100 сажен. И если экскурсантам не будет указано—вот знаменитые Пельские пороги, то это место не вызовет с их стороны особого внимания.

Здесь уместно и прилично привести вообще небольшую справку из истории реки Невы.

Если город Санкт-пите-рбург должен считаться малолетком среди других столиц мира,—ему только недавно исполнилось

всего-навсего двести лет, то и самая местность, где расположен Петербург, дельта нынешней красавицы Невы, да и самая Нева тоже не слишком древнего происхождения. Во всяком случае, образование реки Невы из довольно широкого пролива, достигающего местами 8—20 верст, произошло в современную геологическую эпоху, и это образование наблюдал человек, уже поселившийся на побережье Ладожского озера.

В нашей, так-называемой Несторовой, летописи очень подробно описан путь «из варяг в греки», т.-е. из Балтийского моря в Черное, но в этом описании еще не упоминается река Нева как река, есть только указание «на великое озеро Нево», т.-е. нынешнее Ладожское и «из того озера вышло в устье моря Варяжского».

Конечно, нельзя вполне убежденно утверждать, что выражение Несторовой летописи показывает, что и во времена летописца Ладожское озеро непосредственно соединялось с Балтийским морем и вместо Невы был только широкий пролив. Надо полагать в этом выражении летописца отголосок старинных уже и для Нестора преданий, хотя и нет никакого сомнения, что и во времена Нестора Нева была несравненно короче и шире настоящей, а потому и не получила настоящего прозвища, а именовалась просто-на-просто устьем великого озера Нево, чем она, без сомнения, и была в самом тесном смысле этого слова при первом появлении человека на берегах Ладожского и Балтийского бассейнов.

Те же летописи сохранили нам известия о каких-то страшных геологических катастрофах, происходивших на берегах Балтийского моря в X—XIII в.

«В лето 6738 (1230 г.) трясется земля по Велице дни (т.-е. после Пасхи) в пяток на 5 недели в обед, а иные отобедали» — так заносит летописец 2-ой новгородской летописи; под 1176 г. в той же летописи отмечено, что «река Волхов» в это лето, в течение пяти дней, шла «на возвод», т.-е. имела обратное течение. Землетрясение отмечалось летописцами и несколько раньше — так, в 1107 году читаем: «сотресется земля месяца февраля в 5 день». Наконец, как указывают сохранившиеся исторические предания — о них подробно повествует Грановский

в своем исследовании: «Волин, Иомсбург и Винета» в XII веке, на побережье Балтийского моря погибло от наводнений несколько городов и в том числе знаменитая Винета.

Конечно, как-то странно читать в настоящее время о землетрясении в Петербурге и Петербургском крае. Но, с одной стороны, точность, с которой летописец означает время землетрясения, не позволяет усомниться в правильности его известий, а с другой стороны, у нас имеются сведения о землетрясении, бывшем в Петербурге гораздо позже. Это землетрясение — 14 октября 1802 года — отметил и Пушкин в своем дневнике. Правда, это землетрясение было едва заметно в Петербурге, но очевидно, что если землетрясение наблюдалось в Петербурге в начале XIX века, то оно могло быть настолько значительно в X—XII веках, что могло вызвать не только громадное наводнение, но и подъем вообще данной местности, вследствие чего должно было произойти общее спадение вод Ладожского озера и образование русла Невы.

Не забудем, что, по шведским источникам, а шведы уже со второй половины VII или с первой половины VIII века господствовали по сию сторону Балтийского моря, река Нева носит название Ну (Нью), что значит: «Новая река», этим названием как бы подчеркивается сравнительно недавнее, новое происхождение реки Невы.

Если летописи и другие писанные источники говорят нам, что происхождение Невы нужно отнести не позднее X—XII века, то точно такие же результаты получаются и от географических и геологических наблюдений.

Площадь островов, составляющих Невскую дельту, постепенно увеличивается, как это показывают и топографические съемки. Сравнивая годовой прирост островов Невской дельты по съемкам 1718, 1828 и 1864 года, найдем, что для образования этих островов необходимо было около 900 лет, а отсюда видно, что острова, образующие дельту Невы, начали возникать приблизительно в X веке по Р. Х.

Тот же результат получим из наблюдений над вековым поднятием берегов Финского залива, которое в Петербурге составляет от 0,93 до 1,16 фут в 100 лет. Из этих данных видно,

что в X веке по Р. X. вся дельта Невы¹ приблизительно на 10—11 ф. была ниже настоящей. А между тем, при наводнениях в С.-Петербурге, несмотря на значительное искусственное возвышение города со времен Петра Великого, повышение воды до 10¹/₂ ф. (наводнение 1777 года) и даже до 9¹/₂ ф. (наводнение 1752 г.) выше ординара заливают все петербургские острова. При наводнении 1824 года, когда вода поднялась выше ординара на 13¹/₂ ф., затоп был почти весь город, кроме Литейной, Рождественской и Каретной части.

Зная все это, мы должны заключить то же самое, к чему приходили и из других источников: *«образование Невы и дельты Невы началось приблизительно в X веке».*

При возникновении из-под уровня Финского залива дельта реки Невы в нынешнем ее районе, вероятно, представляла из себя один сплошной, сперва еще небольшой остров. Дальнейшее поднятие берегов залива суживало устье реки, тогда как количество воды, протекавшее из Ладожского озера через Неву, оставалось то же самое, а сила течения от подъема берегов даже увеличивалась,—повело к постепенному размыванию означенного острова на несколько меньших. Вообще число островов Невской дельты постепенно увеличивается и довольно быстро, что можно было видеть из сравнения числа островов по известным в настоящее время картам Невской дельты. В 1676—1700 годах Невская дельта состояла всего из 24 островов, в 1705—1706 г.г. из 31, в 1777 году из 48, в 1840 году из 80 и в 1868—1881 г.г. уже более чем из ста островов. Таким образом, на каждое из двух столетий число островов Невской дельты удваивалось. По этому расчету дельта Невы могла состоять из одного только острова еще с XII века, вероятно в XIII веке образовалась река Малая Нева, разделявшая первоначальный остров на два, и тогда началось дальнейшее дробление. Ныне это дробление происходит почти незаметно, но в прежние время, когда на Неве еще столько протоков, разделяющих напор воды, размывание сопровождалось значительными катастрофами.

Теперь, после справки из истории Невы, нужно дать хотя самые краткие сведения по топографии и физическим свойствам Невы. Длина ее 70 верст (по прямому расстоянию от Финского

залива до Ладожского озера всего - навсего 41 верста), она вытекает из Ладожского озера двумя рукавами, образующими остров Орехов, впадает же в Финский залив, иначе именуемый Маркизова лужа, рядом протоков, а именно: Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невка, Фонтанка и Мойка, образуя, таким образом, дельту, площадь которой $45\frac{1}{2}$ верст, из них 10,5 верст под водою и 35 верст под сушею. Наибольшей ширины река достигает несколько ниже Шлиссельбурга, где она измерится до 580 сажен, самые узкие места до 100 сажен у Пельских порогов. Глубина реки колеблется от 12 до 59 футов, последняя в Петербурге, против нового арсенала. Берега Невы, за исключением дельты, вообще высоки, местами обрывисты, наиболее возвышен берег у горы Преображенской в расстоянии 4 верст от Шлиссельбурга, здесь он достигает 18 ф., в черте Петербурга не превышает 3 сажен, у устья не выше 3—5 футов. Наибольшая скорость течения Невы $5\frac{1}{4}$ верст в час, у порогов $12\frac{1}{4}$ версты. Эта громадная скорость влияет на то, что река Нева сама не замерзает, лед с Ладожского озера входит в Неву, и Нева большей частью затирается озерным льдом. Среднее замерзание падает на 25 ноября, а среднее вскрытие на 21 апреля нового стиля. Средняя температура воды 5,9, наивысшая бывала около 20°.

Около Пельских порогов помещается Пелла. Некогда она принадлежала одному из интереснейших русских деятелей по колонизации русского востока — Ивану Ивановичу Неплюеву, основателю Оренбургского края. Огнем и кровью производил Неплюев присоединение земель киргиз и башкир к России, он поддерживал национальную вражду этих двух народностей, чтобы пользоваться этой враждой в своих целях. Знаменитая «кровавая» Неплюевская баня еще до сих пор помнится на берегах Яика: на льду его устраивалась баня с подвижным полом, в эту баню — баня почетное угощение на востоке — вводились приезжавшие к Неплюеву для переговоров знатные киргизы или башкиры, запирались в ней, пол проваливался вместе с гостями.

В имени Пелла — не надо забывать, что Пелла была столица Македонии после Филиппа, что в Пелле родился Александр Македонский и имени Неплюева получило название Пелла только

после покупки его Екатериною II, последняя, очевидно, дала это название, вспомнив своего внука будущего императора Александра I, — так вот в этом имении Пелла было, если можно верить преданию, свидание Екатерины II с несчастным Иоанном Антоновичем, который был доставлен сюда из Шлиссельбурга. Екатерина II убедилась, что бывший российский самодержец, вследствие режима, совершенно сошел с ума.

Имение Пелла было куплено Екатериной II в 1784 году, когда Екатерина II была огорчена потерей одного из своих любовников Ланского, который состоял в этой обязанности с 1780 года по 19 июня 1784 года, когда он заболел в Царском Селе. Доктор Вейкорд был спешно вызван из Петербурга. Это был типичный немецкий ученый, прямолинейный, грубоватый, неспособный смягчить правду и щадить чувства людей. Сидя у постели больного, Екатерина II со страхом спросила у доктора: «что у него».

— Злокачественная лихорадка, отвечал доктор, он от нее умрет.

Вейкорд настаивал на том, чтобы императрицу удалили из комнаты больного. Он считал болезнь Ланского заразительною, насколько можно догадаться: это была тяжелая форма ангины. Но Екатерина не колебалась ни минуты между этими благо-разумными советами и голосом сердца. Вскоре и у нее появились тревожные симптомы боли в горле. Но она не обратила на это никакого внимания, и через десять дней Ланской умер у нее на руках.

Умер любовник русской царицы, который за 4 года стоил 7.260.000 руб., все любовники Екатерины II стоили России 92.500.000 рублей. Смерть Ланского так поразила Екатерину II, что она забросила все дела, не думала ни о чем, ничего не делала. Она удалилась в Пеллу, взяв с собою сестру своего любовника, и в этой дикой лесистой местности вела уединенную жизнь. Затем архитектор Старов получил повеление построить здесь великолепный дворец. Постройка продолжалась десять лет—был выстроен ряд зданий, каждое в особом стиле, особенно хороша, по преданию, была помпейская зала в главном корпусе. Постройку закончили в 1794 году,—сколько было издержано

депег, трудно сказать, но во всяком случае много, а в 1796 году на всероссийский престол вступил другой самодержец и повелел разобрать дворец в Пелле до основания, материал свезти в Петербург для Михайловского, ныне Ипподромного замка, а в Пелле устроить артиллерийские казармы и конюшни. Чем вызвано такое дикое даже для сумасшедшего Павла I распоряжение, неизвестно, но разорили Пеллу так основательно, что в настоящее время даже от дивного парка, разбитого в английском вкусе, не осталось и следа. И этот случай является достаточной иллюстрацией к тому, как тратились народные деньги на Руси.

Выше Пеллы, на противоположном берегу Невы, находится деревня Островки. Действительно, Нева в этом месте образует несколько островков — нам кажется, к сожалению, у нас нет пока фактических данных, что эти островки вовсе не естественного происхождения, они дело рук человеческих. Устроены они здесь повелением Потемкина, у которого здесь было одно из многочисленных его имений. Замок этого имени выстроен на высоком обрывистом выступе — овраг отделяет этот выступ от берега — и опять-таки положение оврага таково, что заставляет предположить и его искусственное происхождение. Отчего же нет? Причуды великолепного князя Таврического известны, средств для исполнения этих причуд было достаточно, можно было пользоваться не только своими крепостными, но и государственными рабочими и солдатским трудом — и более чем вероятно были созданы искусственные острова, так разнообразившие своим видом сравнительно монотонное течение красоты Невы, появился высокий овраг-утес, а на нем большой художник, быть может и Гваренги, создал фантастический замок с высокою башнею, настолько высокою, что с верхней площадки ее в хорошую погоду виден не только Петербург, но и Финский залив с Кронштадтом. На этой площадке, в припадках своей меланхолии, любил сидеть Потемкин... В самом же замке, по преданию, опять-таки ни на чем не основанном, помещался будто бы гарем Потемкина и часто в осенние ночи, когда буря бушует в лесу, когда ветер гнет столетние сосны и липы, на башне появляется белая тень прекрасной женщины, изнасилованной Потемкиным и не перенесшей своего позора, бросившейся

с этой башни. Другое предание связывает этот замок с таинственной княжною Таракановою.

Существовало две княжны Таракановы—одна—Августа Тимофеевна, дочь Елизаветы Петровны от Разумовского. Эта княжна воспитывалась за границею, оттуда была привезена в 1785 году силою в Россию и заключена по приказанию под именем инокини Досифеи в Московский Ивасовский монастырь, здесь она умерла в глубокой старости в 1810 году, похоронена она в Ново-Спасском монастыре в усыпальнице бояр Романовых, на ее похоронах, при громадном стечении народа, присутствовали родственники Разумовских. Другая княжна Тараканова появилась на политическом горизонте на 10 лет раньше и тоже испытала на себе просвещенный абсолютизм российской императрицы Екатерины II.

В 1772 году в Париже появилась красавица, назвавшаяся персидской принцессой Али-Эмете, затем она превратилась в княжну Владимирскую, а в 1774 году в княжну Тараканову, дочь Елизаветы Петровны, и, объявив себя сестрою Пугачева, выставила себя претенденткой на российский престол. Для достижения российского престола она направилась в Константинополь, но бурей была выброшена около Рагузы, где и прожила до 1774 года. Хотя все ее выступления, все ее обращения за помощью к султану, в Рим, не достигали своей цели, никто не хотел помогать этой уже слишком очевидной авантюристке, все-таки проживание ее на свободе в Европе было не по сердцу Екатерине II, и она предложила Алексею Орлову добыть претендентку, доставить ее в Россию.

Красавец, силач собою, Алексей Орлов притворился влюбленным в Тараканову, и в ней пробудилось истинное чувство к этому чудо-богатырю. И раз, гуляя с ним по берегу моря, она увидела стоявшее русское судно — военный фрегат. Алексей Орлов предложил влюбленной в него женщине осмотреть это судно, никогда ею невиданный русский военный корабль. Она согласилась, но когда вступила на палубу, то Орлов объявил ее пленницею, и она была доставлена в Петербург, некоторое время будто бы содержалась в Островках Потемкина, который ее и допрашивал. Затем она была заключена в Петропавловскую

крепость, где и умерла от чахотки 4 декабря 1775 года, скрыв тайпу своего рождения даже от священника...

Сказание пошло дальше, и стали уверять, что княжна Тараканова, заключенная в Петропавловской крепости, погибла во время наводнения 1777 года, что и подало повод молодому талантливому художнику Флоридскому нарисовать свою интересную картину, находящуюся в Третьяковской галлерее...

После смерти Потемкина его имение переходило из рук в руки, один из владельцев в 80-х годах прошлого столетия пытался отремонтировать главный дом, чтобы сдавать его под дачи, но этот проект видимо не был выполнен, и остатки дома сохранились до сих пор.

От Островков, не доезжая до Шлиссельбурга 4—5 верст, правый берег начинает повышаться—перед проезжающими «Красные сосны» и Преображенская гора с памятником Петру Великому.

«Красные сосны» — это дивный строевой заповедный бор, который подошел к самому берегу Невы—этот бор неоднократно посещал Петр Великий. Действительно, здесь встречаются поистине изумительные экземпляры строевой сосны. В память неоднократных посещений Петром Великим этой местности путиловские крестьяне Спиридоновы, предок которых был взыскал какою-то милостью Петра Великого, соорудили здесь памятник. Он имеет вид конуса, оканчивающегося черным гранитным шаром. Памятник весь из путиловской плиты, вышиною в 2 сажени с полуаршином. На мраморной доске надпись золотыми буквами: «Петру Великому—отцу отечества в незабвенную признательность по усердию соорудили братья Спиридоновы».

Но, кроме памятника, с этою местностью связана легенда более раннего происхождения. Здесь, на этом урочище «Красные сосны», после одного сражения будто бы отдыхал вечный победитель русских, шведский полководец Делагарди. Крепкий сон посетил его, и когда он проснулся, то увидел, что на его шее выросла высокая красная сосна.

Призвал Делагарди на помощь злого духа Перкеля, тот помог освободиться полководцу от сосны, но Делагарди увидел в этом случае предсказание скорой смерти, собрал свое войско и ушел из русской земли и пропал без вести...

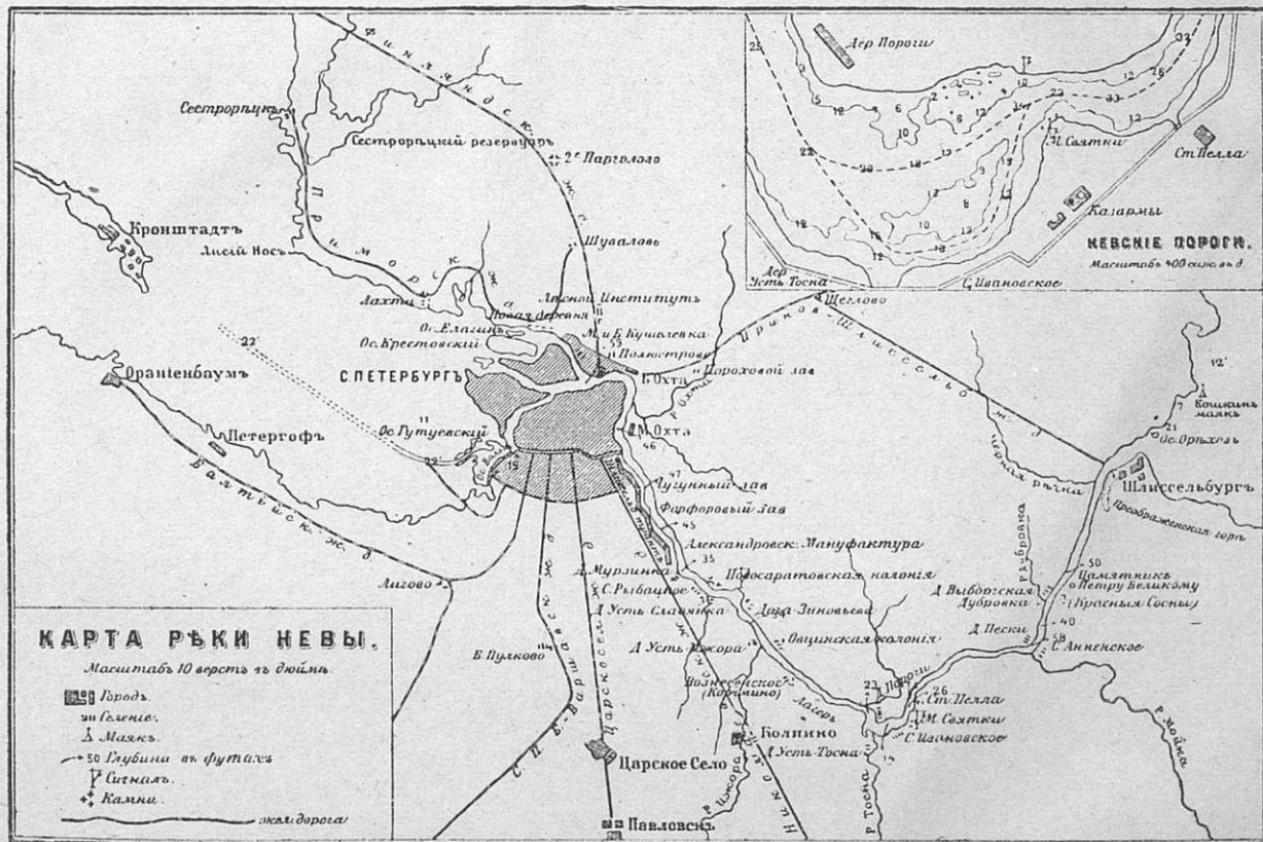
Немного ближе к Шлиссельбургу, за «Красными соснами», на той же Преображенской горе возвышается церковь во имя Преображения Господня. От этой церкви гора и получила свое название. При подошве горы, близ берега Невы, долгое время находилась могила скопческого Иоанна Предтечи Алексея Ивановича Шилова. Эта могила была местом паломничества скопцов и хлыстов, которые при посещении ее брали со дна могилы землю, почитаемую освященной...

От Преображенской горы, за последним поворотом Невы, видна уже поверхность Ладожского озера, и при выходе из него Невы виднеется на небольшом островке, вся беленькая, чистенькая, даже ярко блестящая в солнечный день Шлиссельбургская крепость. Когда впервые, с пароходной палубы, издали станут видны эти белые стены, не хочется верить, что это та знаменитая государева крепость, та политическая тюрьма, которая по справедливости зовется российской бастилей. Внешний вид вообще обманчив. Ведь недаром же над Петропавловской крепостью возвышается шпиль Петропавловской колокольни, увенчанный ангелом и крестом, эмблемою мира, покоя, совершенно не подходящей к той крепости, где был Алексеевский рavelин, где и по днесь существует Трубечкой бастион. Так и внешний вид Шлиссельбургской твердыни совершенно не соответствует ее внутреннему содержанию.

Путешествие вверх по Неве кончено... Перед нами прошел ряд картин. Всплывала седая старина—XIII век, Александр Невский, Ландскрона, проходили картины из быта Российских императоров, мы вспоминали мрачные картины российской действительности, крепостные различных ведомств, крепостные театральной дирекции, крепостные из воспитанников воспитательного дома, борьба рабочего люда с абсолютизмом, борьба за светлое первое мая, безумные траты русских народных денег... Двести лет русской истории в ее различных пережитиях проносятся пред нами, пока пароход поднимается к Ладоге, пока он не пройдет те 71 версту, которые своими зигзагами делает красавица Нева...

ЛИТЕРАТУРА ПО ВОПРОСУ О НЕВЕ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ БОЛЕЕ ЧЕМ ОГРАНИЧЕНА. МЫ МОЖЕМ УКАЗАТЬ ЛИШЬ СЛЕДУЮЩИЕ, ОТДЕЛЬНО ИЗДАННЫЕ (В ЭТОТ СПИСОК НЕ ВХОДЯТ ГАЗЕТНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ) СОЧИНЕНИЯ:

1. А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанд, СПб. 1909.
2. А. А. Иностранцев. Доисторический человек побережья Ладожского озера. СПб. 1882.
3. Я. К. Гротт. Известия о Петербургском крае до завоевания его Петром. СПб. 1863.
4. Г. А. Немиров. Петербургская биржа при Петре Великом. СПб. 1888.
5. Л. А. Андреев. Ладожское озеро. СПб. 1875.
6. П. Белявский. Река Нева. СПб. 1881.
7. С.-Петербург. Исследование по истории, топографии, статистике. СПб. 1870.
8. П. Бобровский. Петр Великий в устье Невы. СПб. 1903.
9. М. И. Пыляев. Забытое прошлое окрестностей С.-Петербурга. СПб. 1889.
10. Б. Мансуров. Охтенские Адмиралтейские селения. СПб. 1855.
11. Н. Ф. Арцеьев. Путеводитель по окрестностям С.-Петербурга. СПб. 1903.
12. В. Курбатов. Петербург. СПб. 1913.
13. Отдельные статьи энциклопедического лексикона.

Цена 40000 р.

114
/ 797

30p 1224

114

298

m/p